

А. 466

Фундаментальная

I

П 685

ПРАВО И МИРЪ

ВЪ

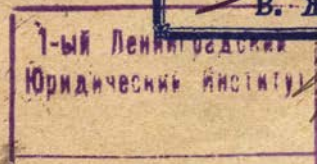
МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ

60284 К. Doc. 72.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

составленный под редакцією

Проф. гр. Л. А. Камаровскаго и П. М. Богаевскаго.

Издание магазина „Книжное Дѣло“.
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, 26 мая 1899 г.

СПЕКТУ

ВНИМАНИЕ
Она для чтения
М. М. КАРПОВ

Посвящается
Институту международного права.

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отъ редакторовъ	VII—VIII
Манифестъ мира	IX—XI
Верховенство и независимость (суверенитетъ) государства	1—68
Международный союз и его право	69—118
Всемирныя уніи и ихъ организація	119—242
Война и законъ	243—328
Мирное разрѣшеніе международныхъ несогласій	329—411
Организація международного третейскаго суда	412—499

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Будущая война	503—514
II. Юридическій характеръ вопроса о разоруженіи	515—523
III. Общія положенія Брюссельской деклараціи	524
IV. Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны	525—566
V. Проектъ договора о третейскомъ судѣ между Англіей и Соединенными Штатами	537—541
VI. Проектъ постоянного международного третейскаго суда, предложенный междуарламентскою конференціею 1895 г.	542—545

СЛЮЖЬ

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ.

Предлагаемый Сборникъ статей ставитъ себѣ цѣлью въ доступномъ, хотя и научномъ, изложеніи ознакомить образованнаго читателя съ наиболѣе выдающимися вопросами и задачами современнаго международнаго права и международной жизни. Для этого выбраны статьи нѣкоторыхъ извѣстныхъ иностранныхъ и русскихъ интернаціоналистовъ, которыя и помѣщаются въ настоящемъ изданіи либо въ переводѣ и перепечаткѣ (съ указаніемъ ихъ происхожденія), либо въ нѣкоторой передѣлкѣ (съ сокращеніями и дополненіями), какъ того потребовала цѣль изданія. Сборникъ посвящается разсмотрѣнію лишь коренныхъ вопросовъ международной жизни, каковыми являются: принципы *независимости* государствъ и правильныхъ между ними *сношеній*, ведущіе въ наши дни къ постепенной выработкѣ *международной организаціи*, зачатки которой не трудно усмотрѣть въ современныхъ *уніяхъ*, стремящихся стать *всемирными*; вопросы о подчиненіи *войны*,—все еще являющейся, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, хотя печальною, но пока неустранимою необходимостью,—*нормамъ права*; о замѣнѣ ея гораздо болѣе справедливою формою рѣшенія международныхъ споровъ посредствомъ *третейскихъ разбирательствъ*, быстро завоевывающими себѣ, по

мѣрѣ *успѣховъ идеи мира* въ сознаниі всего цивилизованнаго общества нашего времени, общія симпатіи не только теоретиковъ, но и практическихъ государственныхъ людей.

Все это вопросы, заслуживающіе серьезнаго вниманія каждаго образованнаго читателя, умѣющаго съ интересомъ слѣдить за политической жизнью, развертывающеюся передъ нимъ. Но, ознакомившись, хотя въ сжатомъ изложеніи настоящаго Сборника, съ этими *основными проблемами междунагоднаго права*, онъ, надѣмся, получитъ охоту и возможность приступить къ дальнѣйшему и болѣе детальному изученію науки, которая въ наши дни, силою обстоятельствъ, все болѣе и болѣе, получаетъ для всѣхъ интересъ практической и живой. Наше отечество, въ качествѣ державы міровой, принимаетъ все рѣшительнѣе дѣятельное участіе въ всемірномъ гражданскомъ оборотѣ, а такое участіе само собою возлагаетъ на его образованныхъ гражданъ обязанность изученія всѣхъ сторонъ этого оборота и обезпечивающаго его права, т. е. междунагоднаго.

Редакторы посвящаютъ настоящее изданіе **Институту междунагоднаго права**, который праздновалъ осенью 1898 г. двадцатипятилѣтіе своей плодотворной дѣятельности. Желая ему въ будущемъ еще большихъ успѣховъ, они особенно хотѣли бы и настоящимъ скромнымъ своимъ изданіемъ содѣйствовать большому торжеству въ жизни девиза, котораго держится Институтъ:—*упроченію мира путемъ права*.

2 іюня 1899 г.

Война и законъ.

I.

Столкновенія между государствами.—Необходимость опредѣленія дѣйствительныхъ интересовъ въ области международныхъ отношеній.—Значеніе понятія силы при опредѣленіи международнаго права вообще и въ частности права войны.—Право войны и его развитіе.—Идеальная сила права.

Подобно тому какъ вся общественная жизнь складывается изъ суммы стремленій, желаній, чувствъ и интересовъ, которые преслѣдуются индивидуумами, также точно и международныя отношенія заключаются въ постоянномъ преслѣдованіи народами сознанныхъ ими цѣлей. Если же при такихъ обстоятельствахъ столкновенія противоположныхъ интересовъ и стремленій неизбежны, то распри между народами могутъ исчезнуть только тогда, когда государства отрекутся отъ своей самостоятельности и отъ политическихъ своихъ интересовъ. Но послѣднее невысказимо. Каждый народъ представляетъ собою личность, одаренную природою и способностями, и пороками и выражающуюся въ опредѣленныхъ культурныхъ стремленіяхъ и политическомъ строѣ. Характеристическая особенность даннаго народа, залогъ его прогрессивнаго развитія, роль его на поприщѣ всемірной исторіи далеко не зависятъ отъ одного географическаго положенія занимаемой имъ страны или отъ климатическихъ условій.

Настоящая статья заимствована изъ сочиненія *проф. Мартенса*. Восточная война и Брюссельская конференція. Спб. 1878 г.

То и другое представляются только *условіями*, но не причинами. Нѣтъ, духовная личность народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, міровое его значеніе опредѣляются высотой его культурнаго развитія и безупречностью его нравственныхъ идеаловъ! Одного умственнаго развитія, одного накопленія огромнаго запаса свѣдѣній еще недостаточно для полнаго развитія народа. Исторія указываетъ намъ на народы, которые, стоя по умственному своему развитію несравненно выше всѣхъ остальныхъ, были, однако, погрязши въ болотѣ своихъ пороковъ и застывши въ нравственной пустотѣ, вынуждены уступить свое мѣсто молодымъ народамъ. Исторія римской и византійской имперій всегда будетъ самымъ назидательнымъ тому примѣромъ. Только тотъ народъ имѣетъ право на историческую роль и на существованіе, который, не останавливаясь въ своемъ умственномъ развитіи, никогда не понижаетъ нравственнаго своего уровня настолько, чтобы лишиться вѣры въ лучшее будущее, въ свою жизненную силу и въ свои нравственные идеалы.

Между тѣмъ, степень культурнаго развитія народа непременно отражается на складѣ общественной его жизни, и свойство нравственныхъ его идеаловъ, по необходимости, кладетъ печать на основанія государственной его организаціи. Общественная жизнь народа, основанная на началѣ эксплуатаціи безсильнаго сильнымъ, указываетъ на нравственное растлѣніе народа и служитъ критеріемъ разумности государственнаго его быта.

Въ область же международныхъ отношеній каждый народъ вступаетъ со всею совокупностью своихъ индивидуальныхъ интересовъ, возрѣній и стремленій, подобно тому какъ каждый членъ общества вноситъ въ него, въ видѣ вклада, свои способности и свои интересы. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія *общество народовъ*, борьба интересовъ и взаимныя столкновенія представляются дѣйствіемъ непреложнаго закона. Подобныя столкновенія неизбежны до тѣхъ

поръ, пока не будутъ выяснены границы мирнаго взаимодѣйствія народовъ, пока не будутъ опредѣлены, съ общаго согласія, предѣлы свободы дѣйствія каждаго, пока не отыщется общая нейтральная почва для параллельнаго развитія преслѣдуемыхъ государствами интересовъ. Въ области международныхъ отношеній также имѣетъ полное примѣненіе тотъ великій законъ общественной жизни, который Герингъ выражаетъ въ словахъ: „Каждый существуетъ для міра и міръ для каждаго“. Эта великая мысль лежитъ также въ основаніи международныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе народы проникаются сознаниемъ того, что полное развитіе всѣхъ ихъ способностей и силъ возможно только при взаимной другъ другу помощи и безусловномъ уваженіи къ правамъ и условіямъ жизни другихъ народовъ, тѣмъ меньше будетъ коллизій ихъ интересовъ и тѣмъ меньше будутъ нарушаться ихъ собственныя права.

Но это время еще не наступило. До сихъ поръ совершенно забываютъ въ области международныхъ отношеній, что, если мы одерживаемъ одну побѣду за другою надъ внѣшнею природою, если мы этимъ путемъ ограничиваемъ вредное вліяніе страшныхъ явленій природы и спасаемъ свою жизнь и собственность, то это потому, что мы неустанно изучаемъ законы природы и стараемся проникнуть въ самыя сокровенныя ея тайны. Мы забываемъ, что, чѣмъ больше мы познаемъ себя, свои недостатки и способности, чѣмъ больше мы проникаемся сознаниемъ того, что, если міръ существуетъ для насъ, то и мы для міра, тѣмъ большую мы будемъ имѣть власть надъ нашими страстями, помыслами и дѣйствіями, тѣмъ ярче, во мракѣ умственнаго застоя и нравственнаго растлѣнія, насъ окружающаго, будетъ свѣтитъ нашъ нравственный идеаль—залогъ нашего развитія и руководящее начало нашей жизни.

Но когда же къ международнымъ отношеніямъ примѣняли именно этотъ законъ? Когда же было время,

что полное, всестороннее изучение международной жизни, ея законовъ и условій составляли заботу каждаго, могущаго имѣть вліяніе на ходъ и направленіе международныхъ отношеній?

Мы этого времени не знаемъ. Напротивъ, пренебреженіе къ этимъ жизненнымъ вопросамъ, презрѣніе или великодушная снисходительность къ наукамъ международного права, фаталистическое преклоненіе предъ совершившимся фактомъ, полнѣйшее непониманіе какъ своихъ собственныхъ *дѣйствительныхъ* интересовъ въ области международныхъ отношеній, такъ и законныхъ правъ другихъ народовъ — вотъ основанія господствующаго въ настоящее время направленія. Съ великимъ рвеніемъ и прилежаніемъ изучаются малѣйшія проявленія органическаго міра; съ неимовѣрною тщательностью изслѣдуются естествоиспытателями всякая пылинка какого-нибудь растенія и всѣ поперечные и параллельные следи гранитита какой-нибудь мѣстности, а явленія международной жизни до сихъ поръ еще считаются недостойными ни всесторонняго изученія, ни точнаго опредѣленія. Всѣ согласны въ томъ, что миръ лучше войны, что необходимо содѣйствовать развитію торговыхъ и мирныхъ сношеній между народами, что желательно установить въ области международныхъ отношеній лучшей, болѣе твердый, порядокъ, но много ли дѣлается для достиженія этой цѣли? Нѣтъ сомнѣній, что народы европейскіе конца XIX вѣка несравненно лучше знаютъ другъ друга, чѣмъ это было въ прошломъ столѣтіи. Однако, сколько существуетъ и теперь еще предразсудковъ и предубѣжденій, которыя заставляютъ видѣть въ другомъ народѣ „непримиримаго“ своего врага! Между тѣмъ такія понятія, мало-по-малу, пускаютъ въ сознаніи народа глубокіе корни, они наслѣдуются однимъ поколѣніемъ отъ другого, входятъ въ нравы и, наконецъ, становятся аксіомою для „національной“ политики и предметомъ „политическихъ стремленій“.

Этого мало. Даже теперь, въ концѣ XIX вѣка, гор-

дящагося своею высокою культурою и цивилизаціею, цѣну ходячей монеты имѣеть мнѣніе, что область международныхъ отношеній самою природою предназначена быть ареною неограниченнаго произвола и подвиговъ физической силы. Нѣтъ области, съ которою соприкасались бы болѣе важные интересы человѣчества, но нѣтъ также поприща, на которомъ произволь и грубая сила имѣли бы болѣе просторъ и свободу. Все на земномъ шарѣ подчиняется опредѣленнымъ законамъ,—только отношенія между народами ихъ не знаютъ. Здѣсь вмѣсто закона господствуетъ беззаконіе; вмѣсто права—произволь!

Но этого мало. Такое воззрѣніе господствуетъ не только въ „публикѣ“, нѣтъ: оно поддерживается и распространяется „жрецами“ той отрасли человѣческаго знанія, которая посвятила себя изученію всѣхъ явленій соціальной жизни. Юристы въ состояніи написать объемистые ученые трактаты о правѣ домохозяйина на воздухъ, окружающій его собственность; они всѣ согласны въ томъ, что государственная жизнь народа не мыслима при господствѣ произвола и отсутствіи юридическаго порядка; они снисходительно соглашаются даже съ тѣмъ, что современные народы, для совершеннаго своего развитія и достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей, непременно должны находиться въ постоянныхъ и правильно организованныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Наконецъ, современная юриспруденція сама основывается на томъ положеніи, что предметомъ ея изученія должны быть всѣ внѣшнія отношенія и всѣ явленія общественной жизни, въ самомъ широкомъ смыслѣ, которыя поддаются юридическому анализу. Къ таковымъ они не могутъ не относить также отношенія между государствами, вызванныя жизненными потребностями народовъ. Но, несмотря на признаніе того факта, что отношенія международныя вполнѣ внѣшняго, *юридическаго* свойства и что смѣшно считать ихъ только нравственными, огромное большинство юристовъ все-таки не-

охотно соглашается допустить господство права въ области международныхъ отношеній. Многіе отрицаютъ существованіе международного права, а еще меньше число тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ опредѣлить юридическими нормами отношенія между воюющими народами. Война, по ихъ мнѣнію, состояніе неограниченнаго произвола и самыхъ ужасныхъ насилій.

Такое воззрѣніе на международныя отношенія въ особенности господствуетъ въ германской юридической литературѣ. Объясненіе же этого мнѣнія нельзя не видѣть въ томъ опредѣленіи права, которое дается современными юристами Германіи. Мнѣніе этой школы можно выразить въ немногихъ словахъ: основаніе права—сила. *Право безъ силы—мечта!* Чтобы додуматься до этой великой истины, человѣчеству понадобилось нѣсколько тысячелѣтій! По словамъ Іеринга, *право и сила*—два неразрывно связанныя другъ съ другомъ понятія. „Понятіе о правѣ, —говоритъ онъ,—не есть понятіе логики, но чистое понятіе о силѣ“. Тамъ, гдѣ нѣтъ силы, нѣтъ принужденія, не можетъ быть рѣчи о правѣ. И какъ въ области международныхъ отношеній нѣтъ верховной силы и власти, которой подчинялись бы государства, то ясно, что не можетъ быть также ни права международного вообще, ни права войны въ особенности.

Согласиться съ этимъ взглядомъ мы не можемъ. Мнѣніе, что сила есть основаніе права, мы признаемъ недостойнымъ человѣка, опаснымъ для общественнаго и государственнаго быта и пагубнымъ для международной жизни. Такой принципъ недостойнъ человѣка, потому что заставляетъ его отречься отъ своей нравственной независимости, своей личной свободы и отъ вѣры въ окончательное и неизбѣжное торжество права надъ насиліемъ, закона надъ анархіею и порядка надъ произволомъ. Если, дѣйствительно, всегда на сторонѣ физической силы право, то человѣку, надъ священнѣйшими правами котораго совершаются самыя

возмутительныя преступленія, остается только безусловно преклониться и просить „аманъ“. Если это такъ, то логика требуетъ отъ насъ признать совершенно законными тѣ страшныя злодѣйства, которыя турки, благодаря своей силѣ и власти, совершали надъ безоружными и несчастными христіанами.

Опаснымъ представляется разбираемое мнѣніе также и для внутренняго порядка государства, потому что основаніе правильнаго его развитія заключается въ уваженіи къ закону. Въ особенности пагубнымъ оказывается эта теорія въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ. Здѣсь она оправдываетъ самыя возмутительныя правонарушенія настолько, насколько потерпѣвшіе отъ нихъ не въ состояніи давать отпоръ или требовать удовлетворенія, во имя своей *силы*, но не права! Если бы сила дѣйствительно должна была быть верховнымъ началомъ въ области международной жизни, то необходимо согласиться съ тѣмъ, что безусловно всѣ опустошенія, звѣрства и мученія представляются совершенно законными средствами войны. Въ такомъ случаѣ логика предписываетъ признать курдовъ, увѣчившихъ раненыхъ, мучившихъ и грабившихъ мирныхъ обывателей, только лучшими исполнителями права войны.

Стоитъ только послѣдовательно развивать эту прискорбную теорію о правѣ, чтобы убѣдиться въ полной ея несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, вся эта теорія очевидно основывается на недоразумѣніи. Порядокъ охраненія права здѣсь смѣшивается съ самымъ правомъ и дѣлается органическою, составною его частью. Между тѣмъ, если право можетъ быть охраняемо силою, властью или принужденіемъ, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что эта сила, власть и принужденіе непременно входятъ въ понятіе о правѣ, что право безъ нихъ невысказано. Смѣшно было бы отрицать *право* кредитора на уплату должной ему суммы въ томъ случаѣ, если это право неосуществимо, потому что у должника не оказывается никакого иму-

щества. Въ данномъ случаѣ право кредитора все-таки существуетъ, можетъ быть признано судомъ и быть защищаемо всею властью государства.

Вотъ почему мы отказываемся стать подъ знамя, на которомъ красуются слова: „Право безъ силы—мечта!“ Мы исходимъ изъ того основного положенія, что, подобно человѣческой личности, народъ есть также источникъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Подобно тому какъ жизненные отношенія внутри государства должны быть изучаемы, выяснены и опредѣлены юридическими нормами, точно такъ же отношенія между народами подлежатъ дѣйствию конкретныхъ законовъ. Если справедливо мнѣнiе, что тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія обязанности, нѣтъ и сознанія права, то, очевидно, задача жизни и науки придти къ сознанію этихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Совершенно непонятнымъ представляется намъ пріемъ, заключающійся въ установленіи этого сознанія въ области частной, общественной и государственной жизни и въ отрицаніи возможности такого сознанія между цивилизованными народами. Подобно тому, говорятъ намъ, какъ не можетъ быть рѣчи о правахъ въ отношеніи лютаго звѣря, несознающаго никакихъ обязанностей, точно также смѣшно доказывать, что народы имѣютъ какія-нибудь права во время войны.

Но это право войны все-таки существуетъ и заключается въ совокупности тѣхъ обычаевъ и законовъ, которые опредѣляютъ дѣйствія государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ во время войны. Это право неотрицаемо настолько, насколько неотрицаема сама война. Оно имѣетъ за собою историческій опытъ нѣсколькихъ вѣковъ, сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и неподкупное чувство правды и справедливости.

Дѣйствительно, право войны существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ государства пришли къ сознанію своихъ обязанностей въ отношеніи другъ друга. Оно постоянно развивалось и измѣнялось сообразно измѣненію

культурныхъ понятій народовъ. Во имя этого права *требуется* отъ побѣдителя неприкосновенность жизни и чести мирныхъ обывателей непріятельской страны; во имя этого права даже пораженный врагъ остается человѣкомъ, заслуживающимъ уваженія и сочувствія.

Трудно найти примѣръ, лучше подтверждающій силу того мірового закона, на основаніи котораго вся исторія природы и человѣческой культуры проявляется въ поступательномъ торжествѣ духа надъ матеріею, какъ именно развитіе права войны. Только мало-по-малу утверждается сознаніе его существованія и чувствуется его дѣйствіе. Первоначально, во времена древняго міра, война дѣйствительно является беспощаднымъ взаимноистребленіемъ. Народы классическаго міра не могли сознать своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей, потому что не понимали человѣка, какъ субъекта неотъемлемыхъ правъ. Но въ то время, когда сами народы еще не дошли до этого сознанія, когда физическая сила была верховнымъ рѣшителемъ судьбы человѣка и его правосостоянія, когда только *гражданинъ* считался правоспособнымъ, а всякій чужеземецъ былъ врагомъ и стоялъ внѣ защиты закона,—тогда религія представляется намъ предвозвѣстницею новыхъ, лучшихъ порядковъ, тогда она вселяла въ душу народовъ чувство милости къ врагу и уваженія къ человѣку. Въ эту эпоху чувство человѣколюбія и гуманности поддерживается авторитетомъ религіи и бѣдствія войны ограничиваются голосомъ пробужденной совѣсти. Велика и незабвенна въ этомъ отношеніи заслуга христіанства, религіи любви и всепрощенія.

Но, по мѣрѣ развитія культуры и цивилизаци, по мѣрѣ того, какъ въ государствахъ утверждается уваженіе къ человѣку, къ его личной свободѣ, стремленіямъ, чувствамъ и правамъ, область международныхъ отношеній и войны, мало-по-малу, подчиняется опредѣленнымъ правиламъ и порядку. Народы, положи-

вшіе въ основаніе всего своего общественнаго строя и культуры уваженіе къ человѣку, какъ къ человѣку, не могутъ не признавать въ другихъ народахъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Благодаря этому обстоятельству, грубой силѣ ставятся во время войны опредѣленные границы не только во имя религіи или человѣколюбія, но вырабатывается сознаніе объ извѣстныхъ обычаяхъ и законахъ войны, несоблюденіе которыхъ со стороны непріятеля ведетъ къ репрессаліямъ и даетъ потерпѣвшему право на удовлетвореніе.

Вотъ какимъ путемъ право войны вырабатывалось въ теченіе вѣковъ и вотъ почему оно имѣетъ обязательную силу. Чѣмъ больше во время войны разгораются страсти и взаимная ненависть воюющихъ, чѣмъ больше шумомъ сраженій голосъ совѣсти и чувство человѣколюбія заглушаются, чѣмъ больше, однимъ словомъ, физическая сила—матерія—приближается къ неограниченному господству, тѣмъ сильнѣе должно высказываться въ народахъ сознаніе права и тѣмъ ближе и полнѣе окончательное торжество идеи правды и справедливости.

На этомъ основаніи мы убѣждены въ томъ, что, чѣмъ выше нравственный идеалъ даннаго народа, тѣмъ гуманнѣе онъ будетъ во время войны, тѣмъ добросовѣстнѣе онъ будетъ подчиняться правиламъ и законамъ войны. Каждая война есть выраженіе нравственнаго и умственнаго развитія воюющихъ народовъ. Чѣмъ выше у даннаго народа и то и другое, тѣмъ неотложнѣе его обязанность уважать права своего противника.

Войска всегда были вѣрнымъ отраженіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія народовъ и всегда въ нихъ выражался общественный строй и порядокъ государства.

Признавая войну при существующихъ отношеніяхъ между государствами совершенно неизбежною, мы, однако, въ то же время, утверждаемъ, что право вой-

ны не есть вымысел досужей фантазіи, а результатъ историческаго опыта и современнаго состоянія международной жизни. Будучи глубоко убѣждены въ томъ, что наступить время, когда война *дѣйствительно* станетъ исключеніемъ и когда государства найдутъ болѣе цѣлесообразное средство для улаженія возникающихъ между ними распрей, мы увѣрены, что, до того времени, по мѣрѣ большаго ознакомленія и взаимнаго пониманія народовъ, право войны представляется единственнымъ средствомъ отнять у войны ея звѣрскій характеръ и ограничить связанныя съ нею бѣдствія.

Мало того. Мы позволяемъ себѣ думать, что, когда сознаніе права войны сдѣлается достояніемъ каждого защитника отечества, когда нарушеніе его предписаній будетъ исключительнымъ фактомъ, когда сами арміи убѣдятся, что исполненіе общепризнанныхъ обычаевъ войны нисколько не въ состояніи парализовать успѣшный ходъ военныхъ операций, — тогда чувство солидарности между народами укрѣпится надежнымъ образомъ и, силою самихъ вещей, число войнъ международныхъ должно уменьшиться.

Итакъ, сознаніе солидарности между народами должно развиваться по мѣрѣ развитія внутренней, общественной ихъ жизни. Наступить такое въ области международной жизни время, когда исполнится великій законъ соціальной жизни, когда „каждый народъ будетъ существовать для міра и міръ для него“.

Мы вѣримъ въ окончательное торжество права даже тамъ, гдѣ оно нарушается самымъ дерзкимъ образомъ, потому что вѣримъ въ *идеальную* силу права.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ „практическій“ вѣкъ, который цѣль человеческой жизни видитъ въ легкой наживѣ и накопленіи всевозможныхъ матеріальныхъ благъ, и средство для достиженія этой цѣли находитъ въ превратно понимаемой теоріи „борьбы за существованіе“, не можетъ застынуть на той низкой ступени пониманія права, которое ложно выдается за един-

ственно разумное и вѣрное. Это безусловное преклонение предъ физической силою соотвѣтствуетъ прошедшимъ временамъ, но идетъ въ разрѣзъ съ будущими. Правда, мы склонны изучать и обращать исключительное вниманіе на прошлое, забывая, что и будущее имѣетъ свои права. Но такое направленіе не можетъ продолжаться; оно противорѣчитъ основному закону развитія всей культуры и современной цивилизаціи. Этотъ же законъ есть *законъ прогресса*, поступательнаго и неудержимаго развитія человѣка, общества, государства и международной жизни. Развитіе не можетъ заключаться въ возвращеніи вспять; оно не мыслимо при господствѣ физической силы и преклоненіи предъ нею; оно невозможно при отсутствіи права и порядка. Прогрессъ мыслимъ только въ поступательномъ движеніи впередъ: его цѣль и его *идеалы* въ будущемъ.

Прогрессъ безъ идеаловъ—мечта!

Право же прикованное къ скалѣ прошлой, застывшей жизни и лишенное основанія въ будущемъ, должно обратиться въ насилие и произволь.

II.

Война между цивилизованными народами подчиняется опредѣленнымъ законамъ и обычаямъ.—Кодификація этихъ законовъ въ интересахъ самихъ воюющихъ государствъ.—Противоположное мнѣніе Ф. Гартмана и Рюстова, опровергаемое фактами и не раздѣляемое замѣчательными военными дѣятелями.—Ошибочность взгляда нѣкоторыхъ писателей по международному праву на кодификацію военныхъ законовъ.

Подъ правомъ обыкновенно разумѣютъ совокупность законовъ или юридическихъ нормъ. Если существуетъ право войны, то можно ли сомнѣваться въ существованіи опредѣленныхъ законовъ. Но что такое законъ?

Старинное опредѣленіе Монтеスキе и теперь еще лучше многихъ новыхъ. „Законы, говоритъ онъ, суть тѣ необходимыя отношенія, которыя вытекаютъ изъ природы вещей, и въ этомъ смыслѣ всѣ существа подчи-

нены законамъ“. Если вмѣсто слова „отношенія“ поставить слово „правило“ или „нормы“, то мы получимъ полное понятіе объ опредѣленіи Монтескье. Онъ, дѣйствительно, во всемъ своемъ классическомъ трудѣ, постоянно старается выяснитъ существующія жизненныя отношенія, вникнуть въ историческій ихъ смыслъ и разумное назначеніе, съ цѣлью уразумѣть тѣ законы, которымъ они подчиняются. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять задачу законодательной власти въ государствѣ. Если всѣ жизненныя отношенія имѣютъ свои законы, вытекающіе изъ самой ихъ природы, если всѣ люди связаны въ отношеніи другъ друга опредѣленными правами и обязанностями, то задача законодателя должна заключаться во всестороннемъ изученіи этихъ реальныхъ отношеній и въ точномъ опредѣленіи вытекающихъ изъ нихъ и соотвѣтствующихъ имъ законовъ.

Примѣняя этотъ же самый пріемъ къ международнымъ отношеніямъ, необходимо согласиться, что они точно такъ же должны имѣть свои особенные законы, соотвѣтственные особенной ихъ природѣ и назначенію. Если отношенія мирныя между народами подлежатъ дѣйствию извѣстныхъ законовъ, то, какъ мы видѣли выше, нѣтъ никакого основанія отрицать существованіе правилъ, обязательныхъ для нихъ во время войны. Стало быть, необходимо только, чтобы законы, присущіе международнымъ отношеніямъ, были бы выяснены и опредѣлены точнымъ образомъ.

Но здѣсь представляется затрудненіе, составляющее отличительную особенность процесса формулированія международныхъ законовъ. Отношенія между государствами основываются на идеѣ полнѣйшей независимости. Государства не признаютъ надъ собою ни верховной, ни законодательной, ни судебной власти. Они суверенны и не подчиняются постороннему авторитету. Если нѣтъ этой взаимной независимости государствъ, не можетъ быть рѣчи о сношеніяхъ *между* ними.

Отсюда слѣдуетъ, что въ области международныхъ

отношеній законы, долженствующіе имѣть для государствъ обязательную силу, могутъ быть установлены не иначе, какъ посредствомъ обоюднаго между ними соглашенія. Такое соглашеніе можетъ быть констатируемо въ установившихся международныхъ *обычаяхъ*, или оно можетъ еще лучше быть выражено въ международномъ *договорѣ*. Но было бы совершенно ошибочно думать, что правила для международныхъ отношеній существуютъ настолько, насколько они формулированы въ обычаяхъ или договорахъ. Подобное заключеніе совершенно противорѣчитъ понятію о законѣ, выводимомъ изъ существа самыхъ жизненныхъ отношеній и соотвѣтствующемъ свойствамъ ихъ природы.

Однако нѣтъ сомнѣнія, что для предупрежденія, насколько возможно, споровъ между государствами относительно взаимныхъ ихъ правъ и обязанностей, весьма желательно, чтобы они согласились общими силами выяснить обязывающія ихъ юридическія нормы. Имѣется полное основаніе думать, что, чѣмъ лучше будетъ достигнута эта цѣль, чѣмъ меньше сомнѣнія относительно смысла и содержанія подлежащаго къ примѣненію международного закона, тѣмъ лучше для самихъ народовъ и тѣмъ правильнѣе могутъ установиться возникшія между ними сношенія. Было бы крайне опрометчиво предполагать, что отсутствіе твердыхъ правилъ всегда будетъ выгодно для того государства, которое въ данную минуту имѣетъ на своей сторонѣ физическую силу. Сила не есть право, но всегда обоюдоострый мечъ: государство, бывшее въ данное время сильнымъ, при другихъ обстоятельствахъ можетъ оказаться совершенно безсильнымъ. Наконецъ, если отношеніямъ между народами дѣйствительно присущи конкретныя правила, если они вытекаютъ изъ ихъ природы, то нельзя не заключить, что безъ этихъ правилъ международныя отношенія не могутъ ни установиться, ни развиваться. Между тѣмъ, ежедневный опытъ убѣждаетъ всякаго, что сношенія

между народами, вызванныя неотложною ихъ потребностью всесторонне развивать свои физическія и умственныя силы, принимаютъ съ каждымъ годомъ все большіе размѣры и достигли въ настоящее время небывалаго развитія.

Всѣ эти соображенія кажутся намъ настолько вѣскими, что нельзя сомнѣваться ни въ пользѣ, ни въ крайней необходимости опредѣленія самими государствами, посредствомъ взаимнаго соглашенія, юридическихъ нормъ, которыя они признаютъ для себя обязательными. Казалось бы еще меньше могло быть сомнѣнія насчетъ этого вопроса по отношенію къ самимъ воюющимъ государствамъ. Война представляется такимъ страшнымъ бѣдствіемъ и до такой степени возбуждаетъ животныя страсти человѣка, что только сознаніе права и закона можетъ служить надлежащимъ тормозомъ, сдерживающимъ порывы къ совершенію непростительныхъ варварствъ и, по возможности, ослабляющимъ ужасныя послѣдствія войны.

Вотъ почему международное соглашеніе съ цѣлью установленія правилъ войны, *кодификація* обычаевъ войны, представляется никакъ не меньше настоятельною задачею цивилизованныхъ государствъ, чѣмъ кодификація международныхъ законовъ во время мира. Только выясненіемъ въ *законъ* понятія о воюющихъ сторонахъ можно отчасти предупредить излишнія жестокости, ограничить случаи примѣненія репрессалій, которыя обыкновенно обрушиваются на голову лицъ совершенно безвинныхъ, не бывшихъ въ состояніи ни совершить преступленія, за которое наказываются, ни предупредить его совершеніе.

Такимъ образомъ, кодификацію законовъ войны должно признать ближайшею цѣлью всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ уменьшенію страшныхъ бѣдствій, происходящихъ отъ международныхъ столкновеній *).

*) Особенное значеніе получаетъ точное опредѣленіе мѣры дозволеннаго на войнѣ въ настоящее время небывалаго развитія военной техники.

Однако, такое возрѣніе никакъ нельзя считать господствующимъ ни въ средѣ военныхъ, ни въ средѣ публицистовъ и юристовъ. Еще въ самое послѣднее время, по поводу въ особенности работъ Брюссельской конференціи 1874 года, громко было провозглашено, какъ непреложная истина, что кодификація законовъ войны не только немыслима, но что она даже крайне нежелательна.

Съ особенною энергією и несомнѣннымъ авторитетомъ высказывался въ этомъ именно смыслѣ прусскій генераль фонъ-Гартманъ, аргументація котораго крайне проста и выражается въ положеніи, что не можетъ быть ни права, ни законовъ войны; слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о кодификаціи послѣднихъ.

Авторъ постоянно исходитъ изъ сопоставленія предписаній „идеализма международнаго права“ съ требованіями „военнаго реализма“. Этотъ же реализмъ войны дѣлаетъ совершенно невозможнымъ установленіе какихъ бы то ни было непреложныхъ правилъ или законовъ. Война есть беспощадная борьба между народами и всѣ гуманныя попытки къ ограниченію ея бѣдствій должны исчезнуть предъ неумолимою серьезностью военныхъ операцій.

Казалось бы, что съ этой точки зрѣнія международная война конца XIX столѣтія должна превратиться въ такую беспощадную рѣзню и непрерывный рядъ опустошеній, которыми ознаменовывались въ исторіи подвиги войскъ „бича Божьяго“, Атиллы. Можно было бы думать, что Гартманъ всообще не признаетъ никакихъ предѣловъ для власти воюющихъ, никакого тормазы для страстей разъяреннаго войска, и что прусскій генераль хладнокровно готовъ оправдывать и доураживать раненыхъ, и сажаніе на колъ женщинъ и дѣтей.

Нисколько! Логика заставляетъ Гартмана быть извергомъ, — здравый смыслъ и чувства человѣколюбія останавливаютъ руку, готовую, кажется, бить и истре-

блять безошадно. Онъ не только признаетъ существованіе извѣстныхъ обычаевъ войны, но краснорѣчиво доказываетъ, что соблюденіе ихъ требуется честью и совѣстью цивилизованной арміи. „Образованность, говоритъ онъ, сдѣлавшаяся безсознательною собственностью народа, совѣсть, непроизвольно подсказывающая сердцу человѣка, долгъ, установленный какъ непреложный законъ жизни, послушаніе приказаніямъ, требующимъ слѣпое исполненія, дисциплина, ставящая дѣйствія отдѣльнаго лица въ опредѣленныя границы,—вотъ тѣ силы, которыя должны содѣйствовать проведенію мирной культуры въ область войны“. Притомъ, прибавляетъ онъ, вѣдь современныя арміи состояются изъ всѣхъ слоевъ народа, и потому онѣ не могутъ не поддаваться вліянію „правосознанія и правовыхъ воззрѣній“ своей родины. Наконецъ, по его же словамъ, „правосознаніе и основныя правила морали“ непременно должны управлять всѣми дѣйствіями сражающихся.

Трудно лучше доказать настоятельную необходимость кодификаціи законовъ войны, чѣмъ это сдѣлано въ только что приведенныхъ словахъ ея противника.

Въ самомъ дѣлѣ, если „образованность“ должна ограничивать бѣдствія войны, то необходимо, чтобы она предписывала извѣстныя правила и намѣтила опредѣленныя границы для дѣйствій воюющихъ. Если образованность или культура будутъ ограничиваться только однимъ сожалѣніемъ о безвозвратно погибшихъ жертвахъ варварства и произвола, то она является самою злою насмѣшкою надъ самыми дорогими и святыми чувствами человѣческаго сердца. Если совѣсть и сознаніе долга должны также служить ограниченіями бѣдствій войны, то необходимо, чтобы эта совѣсть давала себя чувствовать и чтобы на дѣлѣ проявлялось сознаніе долга. Для достиженія же этой цѣли необходимо, чтобы дѣйствующія на войнѣ лица ясно представляли себѣ то, чего требуютъ отъ нихъ

долгъ и совѣсть. Слѣдовательно, прежде всего должно опредѣлить, что такое законъ войны и какіе выработались въ настоящее время военные обычаи. Намъ представляется совершенно непонятнымъ, какая это совѣсть, которая не знаетъ, что дозволено и что запрещено, и какое это сознание долга, лишенное сознания своихъ правъ и обязанностей.

Кромѣ того, нельзя, какъ мы видѣли выше, говорить о сознании долга и обязанности, если нѣтъ на противной сторонѣ сознания права, и наоборотъ. Отсюда слѣдуетъ, что обѣ воюющія стороны должны быть проникнуты одинаковымъ сознаниемъ своего долга, и только при этомъ условіи исполненіе обязанностей съ одной стороны, обезпечиваетъ соблюденіе соответственныхъ правъ съ другой стороны. Стало быть, необходимо принять мѣры, во имя образованности, совѣсти и сознания долга, къ тому, чтобы у обѣихъ воюющихъ сторонъ чувство совѣсти и долга находилось въ возможномъ согласіи. Такое согласіе можетъ существовать только между народами, стоящими болѣе или менѣе на одинаковой ступени образованности или цивилизаціи и не различающимися существенно другъ отъ друга понятіями о нравственности и правѣ. Вотъ почему невозможно было ожидать отъ турокъ соблюденія правилъ и обычаевъ войны, выработавшихся общими усиліями христіанскихъ и цивилизованныхъ народовъ. Наконецъ, въ области международныхъ отношеній одинаковость сознания и пониманія взаимныхъ правъ и обязанностей можетъ быть достигнута только путемъ соглашенія между государствами.

То же самое должно сказать относительно военной дисциплины и слѣпого повиновенія приказаніямъ начальства. Какъ то, такъ и другое дѣйствительно будутъ тормазами произвола во время войны, если начальство и нижніе чины *сознательно* относятся къ тому, что предписываетъ имъ совѣсть или чувство справедливости и что требуется отъ нихъ военною необ-

ходимостью. Дисциплина же въ одной арміи, не встрѣчая взаимности въ другой, непріятельской, легко можетъ уступить мѣсто сознанию необходимости прощать такіе поступки, которые извиняются единственно поведеніемъ непріятели.

Наконецъ, если войска, по утверженію Гартмана, должны быть проникнуты правосознаніемъ того народа, изъ нѣдръ котораго они вышли, если они обязаны добросовѣстно соблюдать основные принципы морали и нравственности, то законамъ войны дана самая твердая, реальная почва. Да, дѣйствительно, войска являются представителями правосознанія своего народа, они уносятъ съ собою на войну всѣ тѣ нравственные идеалы и культурныя воззрѣнія, которые составляютъ лучшее достояніе каждаго народа; но это-то правосознаніе современныхъ цивилизованныхъ народовъ, эти-то нравственные принципы и сознание своего долга и предписываютъ войскамъ ослаблять, по мѣрѣ возможности, бѣдствія войны и добросовѣстнымъ образомъ исполнять обычаи и законы ея.

Было бы явною клеветою противъ правосознанія современныхъ народовъ сказать, что они не знаютъ никакихъ правилъ и обычаевъ войны. Самымъ добросовѣстнымъ и авторитетнымъ свидѣтелемъ въ пользу существованія такихъ обычаевъ войны является самъ генералъ Гартманъ. При тщательномъ разборѣ правъ воюющихъ относительно занятой ими непріятельской территоріи, военноплѣнныхъ и частныхъ лицъ, почтенный авторъ постоянно ссылается на установившіеся обычаи войны, указывая на порядки, теперь выработавшіеся, въ сравненіи съ тѣми, которые были въ Средніе вѣка и еще въ прошломъ столѣтіи.

Между тѣмъ логика и здравый смыслъ согласны въ томъ, что, если *дѣйствительно* существуютъ для современныхъ высоко цивилизованныхъ народовъ какія-нибудь ограничительныя правила или обычаи, обязательныя для нихъ во время войны, то необходимо ихъ вы-

яснить, опредѣлить и обезпечить однообразное ихъ примѣненіе.

Въ точно такія же самопротиворѣчія, какъ фонъ-Гартманъ, впадаетъ другой современный военный писатель, швейцарскій полковникъ Рюстовъ, въ борьбѣ противъ законовъ войны. Однако, разница между обоими писателями замѣчается не только въ томъ, что прусскій генераль остается на высотѣ науки, между тѣмъ какъ Рюстовъ постоянно спускается въ подземелье неприличнаго полемическаго задора, но, главнымъ образомъ, они различаются силою своей аргументаціи и знаніемъ условій войны. Пруссскій генераль больше сказалъ въ своихъ краткихъ статьяхъ, нежели Рюстовъ въ цѣломъ томѣ.

Швейцарскій полковникъ съ явнымъ цинизмомъ насмѣхается надъ требованіемъ, чтобы воюющія державы и ихъ вооруженныя силы соблюдали какія то правила войны. Въ принципѣ, утверждаетъ онъ, воюющему дозволено *все*, и онъ можетъ употреблять какія угодно средства для нанесенія вреда своему врагу. Такъ, завоеватель, на основаніи „господствующаго закона“ (sic!), можетъ, „мало-по-малу и при употребленіи смягчающихъ средствъ, обрѣзывать населенію (на завоеванной территоріи) *уши*“ (!). Правда, Рюстовъ весьма великодушно находитъ такое обрѣзваніе ушей у населенія занятой территоріи, т.-е. подчиненіе населенія власти завоевателя всѣми возможными средствами, „слишкомъ жестокимъ“, но онъ признаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ такія звѣрства неизбѣжными.

Этотъ примѣръ, кажется, достаточно характеризуетъ приемы и точку зрѣнія Рюстова. Изъ сказаннаго видно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было ограниченіяхъ военной власти или о существованіи какихъ-нибудь обычаевъ войны. Въдѣ разсужденія о правѣ или законахъ войны авторъ объявляетъ „разглагольствованіями пустоголовыхъ юристовъ“ и „галиматъею“. Но каково должно быть уди-

вленіе каждаго читающаго сочиненіе Рюстова, если, послѣ всѣхъ этихъ громкихъ фразъ и неприличныхъ выходокъ противъ права войны, онъ видитъ, что самъ швейцарскій полковникъ то и дѣло вдается въ разсужденіе объ обычаяхъ войны, признавая ихъ обязательными? Онъ нисколько не отрицаетъ обязательной силы правилъ войны, установленныхъ международными трактатами.

Этого мало. На послѣднихъ страницахъ своего труда Рюстовъ, забывая цѣль своей аргументаціи и всѣ свои громкіе протесты, находитъ возможнымъ объявить, что посредствомъ международного соглашенія можно будетъ обратить обычаи войны въ законы войны. Когда военные обычаи будутъ кодифицированы, они могутъ, по словамъ этого писателя, получить обязательную силу.

Но сила юридическаго обычая вытекаетъ изъ постояннаго приложенія одного и того же правила къ существенно-одинаковымъ отношеніямъ. Самъ же Рюстовъ доказалъ, что существуютъ извѣстные военные обычаи. Отсюда слѣдуетъ, что послѣдніе обязательны настолько, насколько вообще обязательны юридическіе обычаи. Слѣдовательно, кодификація военныхъ обычаевъ никакъ не есть условіе обязательности ихъ. Она только лучше ихъ опредѣлитъ, выяснитъ и обезпечитъ одинаковое ихъ пониманіе и соблюденіе со стороны воюющихъ государствъ.

Разборъ мнѣній двухъ новѣйшихъ военныхъ писателей по вопросу о кодификаціи обычаевъ и правилъ войны доказалъ, что относительно этого вопроса существуютъ, даже въ средѣ самихъ военныхъ, весьма разнообразныя воззрѣнія.

Непріязнь нѣкоторыхъ военныхъ дѣятелей ко всѣмъ попыткамъ внести большую точность и опредѣленность въ управленіе событіями на театрѣ войны и дѣйствіями самихъ военныхъ, настолько же понятна и естественна, насколько общеизвѣстно убѣжденіе нѣкоторыхъ администраторовъ, что ихъ „свобода дѣйствія“

ни въ какомъ случаѣ не должна быть ограничена какимъ-нибудь положительнымъ закономъ. Эта „свобода дѣйствія“ и дѣятельность „по усмотрѣнію“ иногда представляются аксіомою современныхъ политическихъ наукъ и опорой государственнаго порядка. Вотъ почему и кодификацію права войны склонны признавать такимъ невозможнымъ посягательствомъ на свободу дѣйствія и распорядительную власть военныхъ дѣятелей. Исходя же изъ этой ложной точки зрѣнія, не трудно придти къ заключенію, что вообще нѣтъ никакой практической надобности въ опредѣленіи тѣхъ обычаевъ, которые „изстари“ и безъ того будто бы соблюдаются войсками всякаго цивилизованнаго государства.

Но такая точка зрѣнія совершенно неосновательна. Свобода дѣйствія нисколько не нарушается тѣмъ, что точнѣе опредѣляется правило, которое въ дѣйствительности уже существуетъ, и которое обѣ стороны намѣрены добросовѣстнымъ образомъ исполнять. Такое ограниченіе свободы имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если, напротивъ, воюющіе намѣрены совсѣмъ не соблюдать никакихъ правилъ или обычаевъ войны.

Но въ самомъ ли дѣлѣ въ интересѣ армій, чтобы обычаи войны оставались предметомъ нескончаемыхъ споровъ между воюющими? Дѣйствительно ли военныя операціи могутъ пострадать отъ того, что дѣйствію войскъ будутъ поставлены границы, выработанныя самою военною практикою и вѣками? Справедливо ли мнѣніе, что существующее въ настоящее время разногласіе насчетъ обязательности того или другого обычая войны нисколько не вредно и не опасно для армій?

Факты, не „разногольствованія“, и практика военная, а не „мудрствованія“ теоріи, несомнѣнно доказываютъ неотложную необходимость во время мира разъяснить силу такихъ правилъ войны, отъ которыхъ зависятъ весьма часто жизнь не одного лица, но судьба

цѣлаго населенія и тысячъ людей. Множество можно привести достовѣрныхъ историческихъ фактовъ, вполне подтверждающихъ рѣшительное несогласіе воюющихъ насчетъ обязательности того или другого военного обычая.

Остановимся на нѣсколькихъ фактахъ изъ исторіи войнъ XIX столѣтія.

Когда въ 1812 году генераль-адъютантъ баронъ Винцингероде былъ взятъ въ плѣнъ французами, подъ начальствомъ Мортье, Императоръ Александръ I писалъ, между прочимъ, князю Кутузову: „Даже турки и азіатскіе народы умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры. Но, кажется, всѣ правила, доселѣ свято чтимыя и во время самой революціонной войны соблюдаемыя, нынѣ презрѣны и уступили мѣсто своеволю Наполеона. Если вы, до полученія сего повелѣнія, не требовали обратно генерала Винцингероде, захваченнаго, не взирая на переговорный знакъ, который онъ имѣлъ въ рукахъ, предписываю вамъ послать нарочнаго парламентаря, съ изъясненіемъ, что онъ взятъ противъ всѣхъ правилъ, въ войнѣ соблюдаемыхъ, и что слѣдуетъ его возвратить“.

Эти замѣчательныя слова Императора Александра I свидѣлствуютъ о существованіи извѣстныхъ „свято чтимыхъ правилъ войны“, соблюдаемыхъ даже турками и азіатскими народами, но нарушенныхъ въ то время французами. Между тѣмъ, Наполеонъ и маршалъ Мортье были убѣждены, что, взявъ въ плѣнъ барона Винцингероде, они нисколько не нарушили дѣйствительно признаваемыхъ на войнѣ правилъ и обычаевъ. Оба они полагали, что, такъ какъ Винцингероде вошелъ въ Москву, находившуюся еще въ рукахъ французовъ, *не имѣя съ собою трубача*, и вообще не исполнивъ всѣхъ требуемыхъ отъ парламентарей условій, то онъ не могъ претендовать на свою личную неприкосновенность. Правда, баронъ Винцингероде, приближаясь къ Кремлю, велѣлъ сопровождавшему его казаку привязать къ пикѣ бѣлый пла-

токъ, но, по мнѣнію маршала Мортъе, этого было недостаточно для пользованія привилегією парламентаря. На этомъ основаніи баронъ былъ взятъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ французами вышелъ изъ Москвы.

Но совершенно иначе понималъ Императоръ Александръ I военный обычай относительно парламентаровъ: по его мнѣнію, присутствіе трубача не необходимо для охраненія личности переговорщика. Желая освободить изъ плѣна генерала Винцингероде, Императоръ повелѣлъ предложить Наполеону обмѣнить его на французскаго генерала Феріера, находившагося въ плѣну у насъ. Притомъ Кутузовъ долженъ былъ впередъ объявить французамъ, на случай, если бы, паче чаянія, Наполеонъ вознамѣрился посягнуть на жизнь Винцингероде, что „жизнь генерала Феріера будетъ отвѣчать за сохраненіе Винцингероде“. Вслѣдствіе такого распоряженія французскій генераль долженъ былъ постоянно находиться при аванпостахъ, чтобы немедленно и „непрелѣнно“ быть разстрѣленнымъ, какъ только князь узнаетъ о смерти Винцингероде. Мало того, Кутузову было еще повелѣно объявить французамъ, что „впредь пять французовъ будутъ отвѣчать за *одного* носящаго русскій мундиръ и лишеннаго жизни“.

Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи отечественной войны чрезвычайно поучителенъ. На немъ совершенно наглядно можно видѣть, до какой степени были противоположны мнѣнія двухъ цивилизованныхъ воюющихъ сторонъ о военномъ обычаѣ, который существовалъ уже у народовъ древняго міра. Съ незапамятныхъ временъ личность парламентаря признается неприкосновенною, если онъ исполнилъ извѣстныя установившіяся путемъ обычая формальности.

Но весь вопросъ заключается именно въ томъ: какія такія формальности? Долженъ ли парламентарь быть сопровождаемъ трубачемъ, или нѣтъ? Требуется ли, чтобы парламентарь предварительно испросилъ разрѣшенія непріятели явиться въ его лагерь? Обя-

зательно ли для него носить какой-нибудь внѣшній отличительный знакъ, напримѣръ, бѣлый флагъ, или нѣтъ?

Всѣ эти вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ судьба отдѣльныхъ лицъ и даже исходъ самой войны, останутся предметомъ споровъ между воюющими сторонами, если онѣ предварительно не условятся и не согласятся между собою. Въ случаѣ же разногласія, сторона, считающая себя обиженною, прибѣгаетъ къ репрессаліямъ, чрезъ что война все болѣе и болѣе принимаетъ видъ войны между дикими племенами.

Приведемъ другой, не менѣе любопытный, примѣръ изъ исторіи войны 1813 года. Извѣстно, что партизанскій отрядъ Люцова былъ вѣроломнымъ образомъ захваченъ въ плѣнъ и члены его были попарно скованы, какъ каторжники, и посланы подъ конвоемъ въ Савойю. Наполеонъ и маршалъ Бертье находили возможнымъ оправдывать свое поведеніе въ данномъ случаѣ законами и обычаями войны. Маститый же нашъ историкъ г. Богдановичъ называетъ это дѣло „вопіющимъ“ и утверждаетъ, что плѣнные были захвачены „вопреки народному праву“.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что мнѣніе г. Богдановича даже въ настоящую минуту далеко не раздѣляется всѣми военными. Всѣмъ, напримѣръ, памятенъ ожесточенный споръ, возникшій во время войны 1870 года между Франціею и Германіею о законности войны партизанскими отрядами.

Въ прусскомъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 27-го августа 1870 года, мы находимъ объявленіе о томъ, что, такъ какъ, „на основаніи принциповъ международнаго права“, французскіе вольные стрѣлки могутъ считаться законными врагами только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ правительственное разрѣшеніе на военныя дѣйствія, подчиняются французскимъ военнымъ законамъ и находятся подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ, то всѣ вольные

стрѣлки, неудовлетворяющіе приведеннымъ условіямъ, разсматриваются какъ разбойники, а какая участь ожидаетъ, по военнымъ законамъ, разбойниковъ, извѣстно каждому.

На основаніи этого распоряженія германскаго высшаго начальства, нѣмцы хватали французскихъ вольныхъ стрѣлковъ и, обыкновенно, подвергали ихъ не военному плѣну, но разстрѣліанію.

Понятно, что французское правительство и народъ были возмущены такимъ толкованіемъ установившихся между цивилизованными народами военныхъ обычаевъ, но прусское правительство, напротивъ, оставалось при томъ убѣжденіи, что оно хорошо понимаетъ основные принципы международного права.

Вообще, франко-германская война представляетъ намъ множество такихъ взаимныхъ обвиненій и споровъ, которые хладнокровно разбирать воюющимъ во время самой ожесточенной борьбы, само собою разумѣется, положительно невозможно. Между тѣмъ, эти взаимныя обвиненія въ нарушеніи „установленныхъ“ законовъ войны только еще болѣе разжигаютъ страсти и приводятъ къ возмутительнымъ жестокостямъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что война 1870 года происходила между двумя націями, которыя съ полнымъ правомъ считаютъ себя высокообразованными. Если же между воюющими народами, стоящими на такой высотѣ культурнаго развитія, не могло установиться согласія относительно обязательности военныхъ обычаевъ, то чего же можно было ожидать отъ турокъ, курдовъ и башибузуковъ?

Дѣйствительно, послѣдняя война между Россією и Турцією представляетъ столько самыхъ возмутительныхъ нарушеній несомнѣнныхъ постановленій трактатовъ и общеузнанныхъ обычаевъ войны, что, если принять эту войну за образецъ международной борьбы въ концѣ XIX вѣка, то нельзя не отчаяваться за будущее. Турки не только не исполняли постановлений Женевской конвенціи, но не соблюдали даже ни-

какихъ обычаевъ войны. Впрочемъ, если сама Блистательная Порта не имѣла правильнаго понятія о Женевской конвенціи, то какъ же можно было требовать знакомства съ нею или знанія законовъ войны отъ солдатъ турецкихъ войскъ?

Однако, не взирая ни на какіе факты, Турція, на основаніи существующихъ международныхъ обязательствъ, является полноправнымъ членомъ союза европейскихъ цивилизованныхъ государствъ. Въ виду этого обстоятельства мы юридически обязаны приложить къ ней тотъ же самый масштабъ, который существуетъ для христіанскихъ народовъ. Мы въ правѣ и обязаны требовать отъ турецкихъ армій соблюденія правилъ, принятыхъ въ остальныхъ европейскихъ войскахъ. На основаніи фикціи, изобрѣтенной Парижскимъ конгрессомъ 1856 года и неотмѣненной Берлинскимъ ареопагомъ 1878 года, Турція—цивилизованная страна, и ея вооруженныя силы *обязаны* дѣйствовать во время войны сообразно признаваемымъ христіанскою Европою обычаямъ и законамъ.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно понятно, что въ интересахъ цивилизованной державы, находящейся въ войнѣ съ Турціею, должно заранѣе выставить тотъ общій масштабъ, по которому она могла бы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, точно опредѣлить, какое правило войны подверглось нарушенію со стороны турецкихъ войскъ. Чѣмъ менѣе турки въ состояніи будутъ оспаривать дѣйствительную обязательность даннаго правила, чѣмъ меньше будетъ сомнѣнія относительно смысла и содержанія даннаго военнаго закона, тѣмъ болѣе неопровержимо будетъ обвиненіе со стороны потерпѣвшей цивилизованной державы и тѣмъ неотразимѣе будетъ ея требованіе объ удовлетвореніи. Такая твердая почва особенно нужна для такой державы, какъ Россія, которая во время войны съ Турціею всегда должна быть готова увидѣть общественное мнѣніе просвѣщенной христіанской Западной Европы союзникомъ своего врага.

Отсутствіе же точно опредѣленныхъ правилъ и законовъ даетъ возможность досужей фантазіи враговъ Россіи взводить на ея доблестныя арміи обвиненія въ нарушеніи такихъ будто бы общепризнанныхъ обычаевъ войны, которые никогда не существовали или, если и существовали, то совершенно умышленно извращаются.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній и въ виду приведенныхъ положительныхъ фактовъ, намъ кажется совершенно невозможнымъ серьезно говорить о вредѣ или бесполезности кодификаціи обычаевъ или законовъ войны.

Напротивъ, крайняя необходимость безотлагательно, посредствомъ международнаго соглашения, разрѣшить всѣ сомнѣнія насчетъ обязательности того или другого правила войны сознается многими замѣчательными военными дѣятелями и, притомъ, такими, которые во всякомъ случаѣ въ состояніи выдержать сравненіе съ фонъ-Гартманомъ или полковникомъ Рюстовымъ. Брюссельская конференція, созванная съ этою цѣлью, навсегда останется лучшимъ тому доказательствомъ. Если она до сихъ поръ еще не привела къ положительному результату, то этимъ нисколько не опровергается тотъ фактъ, что въ предварительныхъ и окончательныхъ ея трудахъ принимали участіе такіе военные дѣятели, компетентность которыхъ стоитъ выше всякаго мнѣнія *).

Имѣется полное основаніе думать, что русскій проектъ конвенціи, представленный на обсужденіе Брюссельской конференціи и составленный, по отзыву знатоковъ, „съ полнымъ знаніемъ дѣла и большою добросовѣстностью“, точно также подвергся тщательному изученію со стороны военныхъ специалистовъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что самымъ даровитымъ и убѣжденнымъ защитникомъ русскаго проекта

*) Слѣдующія главы настоящей статьи посвящены исторіи созванія означенной конференціи и характеристикѣ значенія ея работъ.

на конференціи явился прусскій генераль Фойгтъ-Рецъ, обширныя познанія котораго и огромный практическій опытъ служили неистощимымъ арсеналомъ доказательствъ въ пользу необходимости кодификаціи военныхъ обычаевъ. Этого мало. Военные представители другихъ государствъ точно также не отрицали пользы установленія военныхъ законовъ, и если бы не было постороннихъ политическихъ соображеній и вліяній, то, смѣемъ думать, соглашеніе между *одними* военными вскорѣ обратилось бы въ совершившійся фактъ.

Да, вообще, если самому ярому защитнику нынѣшняго шаткаго положенія вещей поставить вопросъ: признаетъ ли онъ существованіе какихъ-нибудь обычаевъ или правилъ войны, то онъ долженъ или совершенно ихъ отвергнуть, или же согласиться, что они существуютъ. Если онъ отвѣтитъ въ первомъ смыслѣ, то, по законамъ логики и требованіямъ здраваго смысла, обязанъ оправдывать всевозможныя звѣрства и жестокости, отъ которыхъ во время войны можетъ пострадать онъ самъ или его товарищи по оружію. Если же отвѣтъ будетъ въ пользу обязательности конкретныхъ законовъ войны, то лучшимъ источникомъ для ознакомленія и изученія ихъ отнынѣ всегда будутъ служить труды Брюссельской конференціи. Середины здѣсь нѣтъ. Лучшимъ же подтвержденіемъ правильности такой постановки вопроса служатъ труды и воззрѣнія самыхъ непримиримыхъ противниковъ малѣйшей попытки *констатировать* силу закона въ области военныхъ дѣйствій.

Итакъ, мы въ правѣ сказать, что авторитетные военные специалисты не только констатируютъ существованіе извѣстныхъ обычаевъ и законовъ войны, но въ то же время признаютъ пользу и необходимость болѣе точнаго ихъ опредѣленія посредствомъ междунаrodnаго соглашенія.

Въ виду такого факта можно думать, что всѣ безъ исключенія представители науки междунаrodnаго права единодушно желаютъ, чтобы эта цѣль была скорѣе

достигнута. Кому, какъ не юристамъ, содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, водворенію закона тамъ, гдѣ господствуетъ неограниченный произволъ? Кому, какъ не послѣдователямъ Гуго Гроція, сочувствовать всякой попыткѣ, направленной къ тому, чтобы смягчить бѣдствія войны и поставить опредѣленныя границы грубой силъ? Неужели не прошло еще время, когда желѣзная дисциплина полководцевъ была проникнута большимъ человѣколюбіемъ и большимъ уваженіемъ къ идеѣ правды и справедливости, нежели были проникнуты ею представители науки?

Къ чести науки мы должны сознаться, что въ настоящее время огромное большинство наиболѣе выдающихся ея представителей совершенно сходятся во взглядѣ на разбираемый вопросъ съ вышеупомянутыми военными специалистами, защищавшими дѣло Брюссельской конференціи. Несомнѣнно преобладаетъ въ средѣ ученыхъ юристовъ убѣжденіе, что не къ лицу имъ, теоретикамъ, доказывать практическую невозможность того, что самими людьми практики признается удобоисполнимымъ и желательнымъ. Несогласно съ высокимъ достоинствомъ науки стоять за господство неограниченнаго произвола и насилія, если сами воюющія государства заявляютъ о своей готовности преклониться предъ началами права войны, которыя будутъ приняты по взаимному соглашенію цивилизованныхъ народовъ.

Въ чемъ собственно состоитъ мнѣніе современной науки международнаго права о вопросѣ кодификаціи правилъ или законовъ войны, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Послѣ закрытія Брюссельской конференціи, извѣстный „Институтъ международнаго права“, состоящій изъ наиболѣе выдающихся современныхъ специалистовъ этой науки, учредилъ комиссію для всесторонняго изученія трудовъ конференціи. Въ этой комиссіи были членами такіе писатели, какъ: Блюнчли, профессоръ Гейдельбергскаго университета, Манчини, бывший министръ юстиціи Итальянскаго ко-

ролевства, Ролэнь-Жакманъ, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ Бельгіи, нынѣ совѣтникъ Сіамскаго короля, и извѣстный англійскій юристъ Моунтэгью-Бернаръ, бывший Оксфордскій профессоръ, Парье, прежній предсѣдатель французскаго государственнаго совѣта, и другіе.

Первый вопросъ, поставленный на разрѣшеніе комиссіи, былъ слѣдующій: „Желательно ли опредѣлить посредствомъ международнаго соглашения между различными цивилизованными государствами законы и обычай войны“?

На этотъ вопросъ, ни одинъ изъ двѣнадцати членовъ комиссіи, изъ которыхъ каждый былъ представителемъ науки одного изъ европейскихъ или американскихъ государствъ, не отвѣчалъ отрицательно. Всѣ были согласны, что такая кодификація въ высшей степени желательна, полезна и возможна. Только англійскій юристъ Моунтэгью-Бернаръ находилъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія.

Такимъ образомъ, въ принципѣ всѣ члены комиссіи были совершенно между собою согласны. Наконецъ, нельзя не прибавить, что на сессіи Института международнаго права въ Гаагѣ, въ 1875 году, заключеніе комиссіи было принято общимъ собраніемъ членовъ Института и, притомъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что еще и въ настоящее время въ литературѣ вопросъ, поднятый Брюссельскою конференціею, все-таки имѣетъ противниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ жаромъ, достойнымъ лучшаго дѣла, защищаютъ принципъ, что, чѣмъ больше совершается жестокостей и варварства во время войны, тѣмъ лучше охраняются интересы человѣколюбія и права.

Но, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого крайняго воззрѣнія, не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ современныхъ писателей международнаго права отрицаютъ вообще возможность кодификаціи

какихъ бы то ни было международныхъ законовъ. По ихъ мнѣнію, еще не наступило время для разрѣшенія этой чрезвычайно трудной задачи. Если согласиться съ этимъ взглядомъ, то, само собою разумѣется, менѣ всего можетъ быть рѣчи о кодификаціи законовъ войны. Если прочія части международного права представляются въ такой степени мало разработанными, что кодифицировать ихъ нѣтъ никакой возможности, то, казалось бы, еще менѣ право войны можетъ быть изложено въ настоящее время въ формѣ свода или международной конвенціи. Но, благодаря одному изъ тѣхъ счастливыхъ противорѣчій, въ которыя иногда впадаютъ писатели, не всѣ, сомнѣвающіеся въ возможности кодификаціи международного права вообще, признаютъ неосуществимымъ дѣло, предпринятое Россіею на Брюссельской конференціи. Такъ, профессоръ Нейманъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ: „да, желательно и даже необходимо опредѣлить законы и обычаи войны, вопреки или даже вслѣдствіе тѣхъ огромныхъ затрудненій, которыя тому противопоставляются. Нельзя регламентировать ни бури, ни землетрясеній, ни изверженій вулкановъ, но необходимо поставить предѣлы, насколько возможно — и въ этомъ вопросѣ возможное совпадаетъ съ необходимымъ — самой страшной страсти человѣка, войнѣ“!

Въ такое счастливое самопротиворѣчіе, какъ Нейманъ, не впали англійскіе юристы, занявшіеся разрѣшеніемъ поставленнаго вопроса только *послѣ* Брюссельской конференціи: они категорически отрицаютъ возможность точнаго установленія обычаевъ войны. Съ особенною силою высказались въ этомъ смыслѣ сэръ Траверсъ-Тьюссъ и оксфордскій профессоръ Голландъ.

Оба они согласны въ томъ, что еще не наступило время для кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. „То, что называютъ законами войны“, говоритъ сэръ Траверсъ-Тьюссъ, „существуетъ въ пользу сильнѣйшаго; изложить ихъ въ какую либо эпоху, въ актѣ

какого нибудь европейскаго конгресса, значить остановить движеніе, совершающееся въ прогрессивномъ и тихомъ развитіи практики войны. Это развитіе, если его не остановятъ искусственнымъ образомъ, совершится на благо слабѣйшаго, поѣтъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ благотворныхъ причинъ, которымъ мы обязаны быстрымъ развитіемъ цивилизаціи и мирными отношеніями между народами“.

Такимъ образомъ, заключеніе международной военной конвенціи не только не смягчитъ бѣдствій войны, но даже остановитъ прогрессивное движеніе практики войны на пути ея къ большей гуманности и цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія необходимо придти къ тому заключенію, что попытка кодифицировать законы войны есть ничто иное, какъ скрытое желаніе усилить власть сильнѣйшаго и увеличить господство произвола во время войны. Россія, созвавшая въ 1874 году Брюссельскую конференцію именно съ цѣлью кодификаціи законовъ войны, въ сущности, только желала усилить власть воюющаго и увеличить бѣдствія войны! Англія, возставшая противъ дѣла Брюссельской конференціи, является въ дѣйствительности защитницею великихъ принциповъ цивилизаціи и великодушнымъ поборникомъ правъ всѣхъ угнетенныхъ и страждущихъ!

Такое толкованіе великодушной инициативы Россіи представляется въ такой степени оригинальнымъ, что мы не знаемъ, чему больше удивляться, изобрѣтательности ли упомянутаго англійскаго юриста въ защитѣ политики его правительства, или же его политической находчивости въ разрѣшеніи вопроса права.

Мнѣнію Траверсъ-Тьюсса и роли Англійи на Брюссельской конференціи интересно будетъ противопоставить взглядъ другого англійскаго же современнаго юриста:

„Какъ англичанинъ, я могу только сожалѣть, что наше отечество, которое до сихъ поръ всегда стояло во главѣ всѣхъ движеній на пользу гуманности и

прогресса, заняло положеніе (по отношенію къ Брюссельской конференціи), которое привело къ тому, что парализованы и извращены предложенія, направленные къ смягченію неизбѣжныхъ послѣдствій войны“ *).

Кто безпристрастно и безъ предвзятой мысли отнесется къ дѣлу Брюссельской конференціи, тотъ не можетъ усомниться въ томъ, которое изъ этихъ мнѣній англійскихъ юристовъ болѣе основательно. Если основательно мнѣніе Траверсъ - Тьюсса о томъ, что точное опредѣленіе военныхъ законовъ можетъ остановить прогрессивное развитіе военныхъ дѣйствій на пути къ большей гуманности, то необходимо согласиться, что, съ тѣхъ поръ какъ государственные законы обезпечиваютъ неприкосновенность жизни человѣка, эта жизнь подвергается гораздо большимъ опасностямъ. Съ тѣхъ поръ какъ законодательства поставили точные предѣлы самоуправству подданныхъ, остановилось движеніе впередъ на пути къ охраненію правъ и интересовъ слабѣйшихъ; съ тѣхъ поръ какъ государство посредствомъ закона старается уничтожить или предупредить эксплуатацію слабого сильнымъ, бѣднаго богатымъ, рабочаго хозяиномъ, — оно собственно утверждаетъ только владычество сильнѣйшаго и узаконяетъ порабощеніе неимущаго и угнетеннаго!

Достаточно указать на выводъ, къ которому долженъ притти Траверсъ-Тьюссъ, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей несостоятельности его воззрѣнія. До сихъ поръ всѣ были убѣждены въ томъ, что неопредѣленность законовъ войны и шаткость военныхъ обычаевъ, въ особенности, опасны для слабѣйшихъ и беззащитныхъ, которые, не только не въ состояніи физическою силою отстаивать свои права, но даже не имѣютъ возможности опереться на прочно установленные законы и обычаи войны для защиты своихъ

*) *Oke Manning's*. Commentaries on the Law of Nations. London. 1875.

нарушенныхъ правъ. Отнынѣ, благодаря Траверсъ-Тьюссу, можно быть увѣреннымъ, что въ спорѣ о дѣйствительномъ существованіи какого-нибудь права войны всегда слабѣйшій одержитъ верхъ надъ сильнѣйшимъ своимъ противникомъ!

Но, рядомъ съ этимъ крайне оригинальнымъ доводомъ, Траверсъ-Тьюссъ и Голландъ не могутъ одобрить кодификаціи обычаевъ войны на томъ основаніи, что вообще еще не пришло время для этого дѣла. Этотъ доводъ совершенно понятенъ въ устахъ англичанъ, которые не сочувствуютъ кодификаціи внутреннихъ, государственныхъ законовъ своей родины, признавая ее крайне опасною операціею надъ юридическими возрѣніями своего народа. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобъ этотъ *англійскій* взглядъ на кодификацію былъ обязателенъ для другихъ. Если упомянутые англійскіе юристы утверждаютъ, что еще не наступило время для составленія свода международныхъ законовъ войны, то, напротивъ, Манчини, извѣстный итальянскій государственный дѣятель и юристъ, неопровержимыми доводами доказываетъ „призваніе“ именно нашего вѣка для преобразования и кодификаціи международного права.

При этомъ нельзя не припомнить, что, когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ возбужденъ вопросъ о кодификаціи національныхъ законовъ, между прочимъ, знаменитый Савиньи точно также отрицалъ, за его несвоевременностью, возможность исполнить эту задачу. Между тѣмъ, опытъ главнѣйшихъ континентальныхъ государствъ неопровержимо доказалъ, что они способны были на разрѣшеніе поставленной задачи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же самый опытъ убѣждаетъ, что кодификація государственныхъ законовъ нисколько не препятствовала дальнѣйшему измѣненію и развитію права.

То же самое мы имѣемъ основаніе предположить и въ отношеніи законовъ войны. Точное ихъ опредѣленіе самими государствами не только ограничить бѣдствія

войны въ предѣлахъ возможности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить основаніемъ для дальнѣйшихъ попытокъ на этомъ пути. Труденъ первый шагъ. Однако, существуетъ мнѣніе, что вообще никакихъ попытокъ для ограниченія бѣдствій войны дѣлать не слѣдуетъ, потому что, чѣмъ больше бѣдствій влечетъ за собою война, тѣмъ лучше, чѣмъ больше пострададутъ отъ нея воюющіе народы, чѣмъ ужаснѣе будетъ она для жизни, чести и собственности мирныхъ и безоружныхъ обитателей непріятельской страны, тѣмъ совершеннѣе будутъ охранены интересы челоуколюбія и справедливости... Это чудовищное мнѣніе до такой степени странно, что трудно вѣрить, чтобы оно могло быть когда-либо высказано. Каково же должно быть наше удивленіе, когда мы узнаемъ, что этотъ взглядъ защищается не постарѣвшимъ въ битвахъ воиномъ, не въ чаду ожесточенной борьбы и подъ вліяніемъ разнужданныхъ страстей, но что это гуманное воззрѣніе принадлежитъ представителю науки международнаго права и выработалось въ дипломатическихъ гостинныхъ и за рабочимъ столомъ въ кабинетѣ ученаго?

Извѣстному сѣверо-американскому дипломату и писателю Бичъ-Лауренсу принадлежитъ честь провозгласить во второй половинѣ XIX вѣка теорію, которая находитъ себѣ примѣненіе развѣ только въ войнахъ между курдами, папуазцами и среднеафриканскими неграми.

Свое любопытное воззрѣніе на войну и на попытки кодификаціи военныхъ законовъ онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ.

Война, говоритъ Бичъ-Лауренсъ, дѣйствительно самый ужасный бичъ челоучества; но народы гораздо болѣе страдаютъ отъ послѣдствій войны, нежели отъ непосредственнаго ея дѣйствія. Для того же, чтобы война была непродолжительна, необходимо, чтобы она была ужасна. Война должна быть ужасна, чтобы возбудить отвращеніе къ себѣ въ народахъ и монархахъ. Вотъ почему онъ отъ души радовался всѣмъ новымъ

изобрѣтеніямъ и техническимъ приспособленіямъ, дѣлающимъ орудія войны все болѣе смертоносными. Эти изобрѣтенія и усовершенствованія для истребленія человѣческаго рода дѣйствительно оказываютъ услугу народамъ, такъ какъ, благодаря имъ, война все болѣе и болѣе увеличиваетъ число своихъ жертвъ, умножаетъ страданія народовъ и сама сокращаетъ свою продолжительность.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, американскій писатель совершенно послѣдовательно возстаетъ противъ Петербургской деклараціи 1868 года, запрещающей употребленіе разрывныхъ пуль. Онъ находитъ, что это запрещеніе можетъ поставить главнокомандующаго въ необходимость или нарушить его, т.-е., употреблять разрывныя пули вѣсомъ ниже 400 граммъ, или же „компрометтировать безопасность своей арміи“ *).

Таково мнѣніе Бичъ-Лауренса. Оно до такой степени парадоксально и до такой степени возмущаетъ нравственное чувство, что подробно доказывать полнѣйшую его несостоятельность совершенно бесполезно.

Положеніе, что чѣмъ ужаснѣе война, тѣмъ она менѣе продолжительна, становится, прежде всего, въ непримиримое противорѣчіе съ положительными фактами. Историческій опытъ прошлыхъ вѣковъ убѣждаетъ, напротивъ, что въ тѣ времена, когда воюющія стороны не знали мѣры въ своихъ варварскихъ и опустошительныхъ наклонностяхъ, войны, несомнѣнно, продолжались несравненно дольше, чѣмъ въ настоящее время. Есть полное основаніе думать, что возобновленіе тридцатилѣтнихъ или даже семилѣтнихъ войнъ представляется совершенно невысказаннымъ въ наше время. Настолько же невысказанно, чтобы кто либо изъ воюющихъ, въ борьбѣ между цивилизованными державами, осмѣлился совершать въ настоящее время

*) Вѣроятно, авторъ полагаетъ, что пули льются на полѣ сраженія или даже во время самой битвы.

такія преступленія противъ чести женщинъ и мирныхъ обывателей на непріятельской территоріи, которыя въ XVII столѣтіи признавались согласными съ военными обычаями.

Но разбираемое мнѣніе страдаетъ еще другимъ недостаткомъ, который, по нашему убѣжденію, стоитъ только-что указанной ошибки. Этотъ взглядъ подкашиваетъ въ самомъ корнѣ всякое упованіе на лучшее будущее, всякую вѣру въ наступленіе лучшаго, болѣе человѣческаго порядка въ области международныхъ отношеній, всякое убѣженіе въ возможности разумнаго развитія и усовершенствованія человѣка. Не столько страшны въ этомъ воззрѣніи тѣ ужасы, которые рисуетъ фантазія автора, сколько страшны тотъ нравственный идеаль и тѣ цѣли, которые указываются имъ человѣческому роду. Нравственный идеаль цивилизованнаго народа долженъ заключаться въ неустанномъ изобрѣтеніи средствъ для взаимнаго истребленія людей! Какъ великъ сторонникъ этого воззрѣнія, англійскій лордъ Дондональдъ, предложившій своему правительству какой-то изобрѣтенный имъ смертоносный газъ, который стоитъ только распространить въ непріятельской странѣ, чтобы извести все населеніе цѣлой области, вмѣстѣ со всѣми женщинами и дѣтьми! Этотъ благородный лордъ дѣйствительно достигъ той идеальной цѣли, которая ставится Бичъ-Лауренсомъ для дѣятельности цивилизованныхъ народовъ.

Вотъ къ чему приводитъ это парадоксальное воззрѣніе на войну и на попытки кодифицированія ея законовъ. Едва ли мы ошибаемся, высказывая наше глубокое убѣженіе, что никогда ни одинъ военный, будь онъ практическій дѣятель или писатель, не въ состояніи былъ бы высказать подобную чудовищную мысль. Тѣ, которые сами видѣли во-очію ужасы войны, понимаютъ, что она—такое страшное зло, которое человѣкъ не можетъ не ненавидѣть всѣмъ существомъ и всею душою. Они сознаютъ свой священный долгъ положить свою жизнь на полѣ сраженія, по-

тому что до сихъ поръ еще не отыскано другого средства для защиты правъ и чести ихъ родины, но никогда не рѣшатся сказать, что единственную и идеальную цѣль жизни народа составляетъ изобрѣтеніе средствъ для увеличенія бѣдствій войны.

Напротивъ, въ уменьшеніи бѣдствій войны, насколько это возможно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, заключается конечная цѣль стремленій правительства и общества. Точное же опредѣленіе обычаевъ и законовъ войны представляется пока однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ средствъ въ этомъ направленіи.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что обязательность опредѣленныхъ обычаевъ и законовъ есть положительный фактъ, который не опровергнуть ни военными писателями, ни специалистами по международному праву. Если же такіе законы несомнѣнно существуютъ, то очевидна необходимость точно опредѣлить ихъ и, на основаніи международного соглашенія, изложить въ обязательной формѣ свода или конвенціи. Доводы, приведенные до сихъ поръ противъ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ, опровергаются настоятельными потребностями самой войны и оказываются несостоятельными съ точки зрѣнія логики. Они имѣли бы какой-нибудь смыслъ, если бы противники кодификаціи рѣшились сказать, что нѣтъ никакихъ обычаевъ войны и нѣтъ никакихъ предѣловъ для грубой силы непріятеля. Тѣмъ же писателямъ, которые то доказываютъ, что война подлежитъ опредѣленнымъ законамъ, впрочемъ, весьма различно толкуемымъ, то утверждаютъ, что нельзя смягчить ужасовъ войны и выяснить эти законы, не мѣшало бы напомнить слова Прудона, что «люди, уважающіе себя, не обращаются другъ съ другомъ во время войны, какъ съ разбойниками и лютыми звѣрями».

Хотя Прудонъ понималъ войну между народами совершенно своеобразно, но, во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ ея нравственное величіе и былъ проник-

нута большимъ уваженіемъ къ праву и достоинству человека, нежели тѣ, которые видятъ въ войнѣ исключительно дикое, неограниченное никакими законами и формами, взаимное истребленіе воюющихъ между собою народовъ.

III.

Задача Брюссельской конференціи.—Кодификація законовъ и обычаевъ войны до 1874 г.: полевая инструкция Либера; Женевская конвенція 1864 г.; кодификація въ области морского международного права; конвенція 1868 г. о запрещеніи употреблять разрывныя пули вѣсомъ менѣе 400 граммовъ.—Опытъ франко-германской войны 1870—71 гг.

На полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, когда послѣ побѣды, одержанной союзными войсками надъ Наполеономъ, предстояло занять несчастный городъ Лейпцигъ, императоръ Александръ, подѣхавъ къ войскамъ графа Витгенштейна, сказалъ: „Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ вами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ Государь этого желаетъ, и, если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе“.

То же самое великодушіе, которымъ были проникнуты только-что приведенныя слова, вызвало въ 1874 г., по предложенію русскаго императора Александра II, къ жизни и Брюссельскую конференцію, имѣвшую цѣлью опредѣленіе обязательныхъ во время войны между цивилизованными народами обычаевъ и законовъ. Въ основаніе этой международной конференціи легло убѣжденіе, что, пока сами государства не согласятся насчетъ содержанія и обязательности военныхъ законовъ, нареканіямъ и взаимнымъ обвиненіямъ не будетъ конца во время войны. Никакія инструкции или наказы, изданные отдѣльно воюющимъ государствомъ для своихъ войскъ, никакіе авторитеты науки между-

народнаго права не предупредять ни поступковъ, явно противныхъ обычаямъ войны, ни репрессалій, къ которымъ вынуждены будутъ обращаться воюющія войска для защиты своихъ правъ. Полевая инструкція или наказы войскамъ тогда въ состояніи будутъ устранить существующіе въ настоящее время поводы къ обвиненіямъ, если они согласны между собою во взглядѣ на обязательность обычаевъ и законовъ войны. Если же такого согласія нѣтъ между инструкціями, даваемыми воюющими державами своимъ войскамъ, то ими нисколько не закрываются двери для нареканій, ожесточенныхъ нападковъ или репрессалій. На этомъ основаніи полевая инструкція только тогда въ состояніи вполнѣ достигнуть своего назначенія, если въ основаніи ихъ лежитъ одинаковый взглядъ. Этого же достигнуть нельзя иначе, какъ посредствомъ предварительнаго обмѣна мыслей между государствами, и этотъ обмѣнъ, при доброй волѣ договаривающихся, не можетъ не привести ко взаимному соглашенію.

Только при наличности такого соглашенія между государствами, наказы войскамъ, разъясняющіе обязательное для нихъ поведеніе на непріятельской территоріи, будутъ дѣйствительными наставленіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тормазами, предупреждающими поступки, не вызываемые рѣшительно никакою военною необходимостью.

Что же касается, такъ-называемыхъ, „общепризнанныхъ авторитетовъ“ науки международнаго права, то за ними, во всякомъ случаѣ, можно признать только нравственное значеніе и авторитетъ. Притомъ, какъ показываютъ дипломатическіе акты, въ которыхъ воюющія стороны ссылались, для защиты своихъ претензій, на эти научные авторитеты, обоимъ воюющимъ нетрудно было находить у одного и того же авторитета, а иногда на одной и той же страницѣ, положенія, признающія правильными распоряженія каждаго изъ нихъ. Стало-быть, эти „общепризнанные

авторитеты“ никакъ не рѣшали ожесточенныхъ споровъ между воюющими державами.

Брюссельская конференція имѣла задачей дать общее основаніе для распоряженій воюющихъ государствъ, относящихся какъ непосредственно къ военнымъ дѣйствіямъ противъ непріятеля, такъ и къ тѣмъ лицамъ и имуществамъ, которыя играютъ въ войнѣ исключительно пассивную роль. Этого мало. Брюссельская конференція должна была привести къ тому, что европейскія правительства уже во время мира примутъ мѣры для ознакомленія своихъ войскъ съ тѣми правами и обязанностями, которыя они должны соблюдать для защиты интересовъ своей родины и для охраненія неприкосновенности чести и славы своего народа.

„Чѣмъ болѣе,— сказано въ русскомъ циркулярѣ отъ 17 апрѣля 1874 года, послужившемъ приглашеніемъ европейскихъ державъ на конференцію,—развивается въ настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы, какъ членовъ одной общей семьи, чѣмъ болѣе, съ другой стороны, военная ихъ организація имѣетъ назначеніемъ придать ихъ распрямъ характеръ борьбы между вооруженными націями, тѣмъ болѣе оказывается необходимымъ опредѣлить точнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, законы и обычаи, согласные съ состояніемъ войны, для того, чтобы ограничить ея послѣдствія и уменьшить ея бѣдствія, насколько это возможно и желательно. Въ виду этой цѣли кажется необходимымъ, посредствомъ взаимнаго соглашенія, установить правила, которыя должны быть обязательны какъ для самихъ правительствъ, такъ и для армій, на основаніи полнѣйшей взаимности“.

Вотъ какъ понимало само наше правительство задачу, поставленную имъ Брюссельской конференціи. Вотъ почему мы, на основаніи уже самаго текста циркуляра Русскаго правительства, вправѣ сказать, что только явная недобросовѣстность и недоброжелатель-

ство могли считать задачей конференціи составленіе „code d'invasion“ и санкцію права грубой силы.

Брюссельская конференція была наиболѣе значительною попыткою, сдѣланною до сихъ поръ для кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. Она включила въ предметъ своего обсужденія почти всѣ вопросы права войны.

Но нельзя не указать на другія попытки въ этомъ же направленіи, предшествовавшія конференціи и свидѣтельствующія о томъ, что идея, положенная въ основаніе апрѣльскаго циркуляра, представляется только выраженіемъ сознанный весьма многими настоятельной потребности. Брюссельская конференція не явилась въ видѣ *deus ex machina*, не будучи вызваною къ жизни никакими законными желаніями и не имѣя корней въ прошедшемъ. Нѣтъ, будучи только послѣдовательнымъ развитіемъ уже давно сознанный идеи, Брюссельская конференція не можетъ не имѣть вліянія въ будущемъ. Развѣ знаменитая декларация Екатерины II отъ 28 февраля 1780 года относительно морского международнаго права не была проникнута тою же идеею, которой Брюссельская конференція обязана своимъ происхожденіемъ? Развѣ въ 1780 году Англія не объявила всему міру начала русской декларации зловредными выдумками и „нововведеніями“? Но развѣ та же Англія не объявила на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года тѣ же самыя принципы вѣчными истинами международнаго права и согласными съ идеею правды и справедливости?

Только посторонними политическими вліяніями можно объяснить неоконченность работъ Брюссельской конференціи. Но насколько она была подготовлена одинаковыми по цѣли попытками—можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ то время, когда по поводу франко-германской войны въ Европѣ обсуждали вопросъ о томъ, какимъ способомъ предупредить нескончаемыя пререканія ме-

жду воюющими державами относительно обязательныхъ обычаевъ войны, народъ, практической смыслъ котораго вошелъ въ поговорку, уже рѣшилъ его весьма удовлетворительнымъ образомъ.

Когда въ 1861 году возникла въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки междоусобная война, выдвинувшая на первый планъ замѣчательную личность Линкольна, Вашингтонское правительство не ограничилось лишь организаціей сильной боевой арміи въ самое короткое время, чтобы принудить возставшіе южные штаты подчиниться союзной законной власти. Ужасныя насилія, неизбѣжныя въ особенности во время междоусобной войны, которыя совершались войсками, убѣдили президента Линкольна въ необходимости точно опредѣлить законы и обычаи войны, признаваемые обязательными во время международныхъ войнъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ начатой войны, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ штатовъ, ограничить ея бѣдствія и предупредить излишнее насиліе и произволъ. Линкольнъ призналъ себя нравственно - обязаннымъ напомнить своимъ воинамъ, что даже въ непріятелѣ они должны уважать чело-вѣческую личность и достоинство.

Согласно съ этимъ убѣжденіемъ Линкольна, по порученію его, извѣстнымъ американскимъ писателемъ Либеромъ былъ составленъ проектъ устава международныхъ обычаевъ и законовъ войны. Онъ былъ велѣдъ затѣмъ обсужденъ въ комиссіи, состоявшей изъ военныхъ лицъ, и обнародованъ въ формѣ „*Полевыхъ инструкцій для армій Соединенныхъ Штатовъ*“. Въ этомъ наказѣ, распадающемся на 157 статей, опредѣляются, между прочимъ, предѣлы и существо военной власти на непріятельской территоріи, права и обязанности войскъ въ отношеніи къ частнымъ и безоруженнымъ лицамъ, частной и государственной собственности, раненымъ и больнымъ, дезертирамъ и мародерамъ и т. п.

Такимъ образомъ, Сѣверо - Американскимъ Штатамъ, и въ частности президенту Линкольну, принадлежитъ честь почина въ точномъ опредѣленіи обычаевъ и законовъ войны. Эта первая правительственная попытка кодифицировать обычаи войны и выяснить въ единомъ сводѣ обязательныя для войскъ правила, существенно содѣйствовала гуманному образу веденія войны со стороны Сѣверныхъ Штатовъ. Но, къ сожалѣнію, несмотря на неотрицаемую практичность и цѣлесообразность принятой Линкольномъ мѣры, она до самаго послѣдняго времени не вызвала подражанія со стороны европейскихъ правительствъ. Послѣ 1863 года въ Европѣ велось нѣсколько войнъ, и постоянно возникали споры объ обязательности конкретныхъ военныхъ обычаевъ, но все-таки ничего подобнаго сѣверо - американскимъ инструкціямъ не было издано ни однимъ изъ воевавшихъ правительствъ. Только Россія, въ началѣ послѣдней войны, сдѣлала шагъ на томъ же самомъ пути.

Казалось бы, что, въ виду такого положительнаго факта, нельзя отрицать пользы даже такой односторонней кодификаціи военныхъ законовъ, все-таки доводимыхъ такимъ способомъ до свѣдѣнія войскъ. Можно считать безспорнымъ, что такія инструкціи *не вполне* достигаютъ своей цѣли вслѣдствіе несходства своего содержанія у воюющихъ сторонъ; но все-таки войска будутъ имѣть нѣкоторыя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

Другого мнѣнія придерживается вышеупомянутый прусскій военный писатель фонъ-Гартманъ. Онъ полагаетъ, что примѣръ Соединенныхъ Штатовъ неубѣдителенъ, такъ какъ тамъ велась война междуособная, а не международная. Между тѣмъ, странно, что такой серьезный писатель не знаетъ, что междуособная война всегда гораздо больше вызываетъ въ воюющихъ чувство ненависти и возбуждаетъ страсти, чѣмъ война между независимыми народами. Слѣдовательно, при междуособной войнѣ гораздо труднѣе

найти въ обычаяхъ и законахъ войны надлежащія границы для произвола и насилій. Обыкновенно въ междоусобной войнѣ оказывается даже невозможнымъ примѣнять международные военные законы, — въ такой степени расходятся обѣ воюющія стороны во взглядахъ на свои взаимныя права и обязанности: чаще всего одна воюющая сторона считаетъ себя законнымъ правительствомъ, имѣющимъ несомнѣнное право разсматривать своего противника, какъ бунтовщика, подлежащаго дѣйствию уголовныхъ законовъ страны, а не международного права.

Равнымъ образомъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ прусскаго генерала, будто для войскъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ такая инструкция дѣйствительно была необходима или полезна на томъ основаніи, что эта республика не имѣла ни постоянной арміи, ни военныхъ традицій, ни метода войны, ни развитыхъ военныхъ наукъ. Самый злѣйшій врагъ Франціи не станетъ отрицать того, что эта страна имѣетъ издавна постоянное войско, военныя традиціи и весьма развитую литературу въ области военныхъ наукъ, а между тѣмъ во время войны 1870 г. германское военное начальство постоянно обвиняло французскую армію въ нарушеніи установившихся обычаевъ войны и даже постановленій Женевской конвенціи, охраняющей раненыхъ и больныхъ воиновъ. Такія же обвиненія противъ германскихъ войскъ высказывались со стороны „правительства національной обороны“. Между тѣмъ, кто на свѣтѣ сомнѣвается въ военной выдержкѣ и широкомъ военномъ образованіи германскихъ войскъ?

Но во время именно франко-германской войны весьма часто нарушались войсками или отдѣльными отрядами „свято - чтимыя“ правила войны не по наклонности къ варварству, но *исключительно* по незнанію этихъ правилъ. Можно считать несомнѣннымъ фактомъ, что огромное число французскихъ солдатъ, не говоря уже о дикихъ тюркосахъ, не имѣло ни-

какого понятія о постановленіяхъ Женевской конвенціи. Во время мира правительства обыкновенно посвящаютъ все свое вниманіе на организацію и приготовленіе своихъ войскъ къ бою, забывая познакомить армію съ тѣми обычаями войны, за несоблюденіе которыхъ воюющее правительство отвѣчаетъ какъ предъ судомъ своей собственной совѣсти, такъ и предъ судомъ общественнаго мнѣнія нейтральныхъ державъ.

Очевидно, что ни военныя традиціи, ни военная выправка, ни военныя науки недостаточны для охраненія доброй славы цивилизованнаго войска и для исполненія постановленій международныхъ трактатовъ или соблюденія законовъ и обычаевъ войны, въ особенности, если они не формированы ясно и опредѣленно, такъ что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ своемъ содержаніи.

При такомъ положеніи вещей изданіе для войскъ инструкцій, подобныхъ сѣверо-американскимъ, далеко не представляется излишнею роскошью ни въ одномъ изъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ; но было бы ошибочно думать, что онѣ совершенно достигаютъ поставленной цѣли: обезпечить со стороны *обоихъ* воюющихъ одинаковый взглядъ на обычаи и законы войны и добросовѣстное ихъ исполненіе.

Другимъ весьма знаменательнымъ шагомъ впередъ на указанномъ пути къ ограниченію бѣдствій войны представляется *Женевская конвенція* 1864 года, охраняющая раненыхъ и больныхъ воиновъ. Извѣстно, что вѣдшими причинами для созванія международной конференціи въ Женевѣ, въ 1864 году, для обсужденія судьбы раненыхъ на полѣ сраженія, послужили тѣ ужасныя страданія, которымъ подвергались они, благодаря недостаточности средствъ медицинской помощи въ войскахъ, и необезпеченности положенія врачей и госпиталей во время военныхъ дѣйствій. Подписанная въ 1864 году представителями только двѣнадцати державъ, Женевская конвенція провозглашаетъ

нейтральность госпиталей какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, признаетъ неприкосновенность лицъ, посвятившихъ себя уходу за больными и ранеными воинами, и призываетъ всѣхъ частныхъ лицъ и обывателей страны, служащей театромъ военныхъ дѣйствій, оказывать всякую помощь раненымъ, за что они сами и ихъ жилища будутъ пользоваться неприкосновенностью со стороны непріятели. Наконецъ, нелишне будетъ прибавить, что къ конвенціи 1864 года были составлены въ 1868 году дополнительные статьи, имѣющія цѣлью развить постановленія конвенціи и распространить основныя ея начала также на морскую войну. Но эти дополнительные статьи до сихъ поръ не получили силы общеобязательнаго международнаго акта.

Какъ бы мы не смотрѣли на Женевскую конвенцію, во всякомъ случаѣ слѣдующія ея заслуги остаются безспорными: во-первыхъ, „Красный Крестъ“ сдѣлался у европейскихъ народовъ символомъ христіанской любви и гуманности, подъ сѣнію котораго сотни тысячъ людей находятъ убѣжище отъ непріятельскихъ пуль и спасеніе отъ неминуемой смерти; во-вторыхъ, не менѣе безспорно, что Женевская конвенція представляется одною изъ самыхъ удачныхъ попытокъ для международнаго опредѣленія законовъ и обычаевъ войны.

Довольно любопытно, что до сихъ поръ писатели исключительно останавливались на первой заслугѣ Женевской конвенціи, совершенно забывая о второй. Мѣжду тѣмъ, уже давно выработывался во время войны между цивилизованными или христіанскими народами взглядъ на раненаго врага, какъ на имѣющаго право на уваженіе и состраданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на пощаду со стороны побѣдителя. Уже рыцарскій духъ Среднихъ вѣковъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ, установленію котораго въ значительной степени содѣйствовали церковь и тѣ изъ ея служителей, которые дѣйствительно были проникнуты великими,

вѣчно истинными идеями христіанской религіи. Начиная уже съ XVI столѣтія, вошло въ обычай заключать между воюющими государствами спеціальныя договоры относительно раненыхъ воиновъ и больныхъ, благодаря которымъ цѣлыя мѣстности, извѣстныя своими цѣлебными водами, признаются неприкосновенными. Достаточно сказать, что въ теченіе времени съ 1581 по 1864 годъ заключено между европейскими державами подобнаго рода трактатовъ на благо раненыхъ не менѣе, какъ 291. Въ этихъ договорахъ Россія неоднократно является участвующею стороною.

Эти факты, конечно, должны были сами собою навести на ту мысль, что Женевская конвенція далеко не является такимъ нововведеніемъ, которое не имѣетъ никакихъ корней въ прошедшемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они подтверждаютъ, что эта конвенція только развиваетъ и точнѣе опредѣляетъ обычай и законы войны, мало-по-малу, выработавшіеся въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать Женевскую конвенцію весьма удачнымъ, по своимъ благотворнымъ результатамъ, опытомъ кодификаціи военныхъ законовъ. Ей удалось не только получить формальное признаніе со стороны почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить за собою серьезное значеніе и обязательную силу во время военныхъ дѣйствій.

Правда, опытъ новѣйшихъ войнъ доказалъ, что Женевская конвенція требуетъ немедленнаго пересмотра и существенныхъ улучшеній какъ въ редакціи, такъ и въ содержаніи своихъ постановленій, но никто не въ состояніи отрицать огромной практической ея пользы. Во всякомъ случаѣ, она останется памятникомъ побѣды права надъ произволомъ, чело-
вѣколюбія надъ варварствомъ, здраваго смысла и разума надъ животными дикими инстинктами. Наконецъ, даже злѣйшій врагъ Женевской конвенціи не въ состояніи будетъ доказать фактами, что, благодаря провозглашеннымъ ею принципамъ, война лиши-

лась своего „величія“ и военныя дѣйствія—необходимой энергіи. Развѣ „Красный Крестъ“, охраняющій во время самой ожесточенной борьбы госпитали, наполненные ранеными и больными, отъ непріятельскихъ пуль, не лучшее доказательство господства идеи надъ грубою силою? Развѣ тотъ же „Красный Крестъ“, останавливающій руку, поднятую для нанесенія послѣдняго удара павшему врагу, не есть торжество права надъ насиліемъ и чувства любви надъ дикою страстью и ненавистью? Развѣ, однимъ словомъ, вся Женевская конвенція не служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что „реализмъ войны“, во многихъ отношеніяхъ, совмѣстимъ съ „идеализмомъ международнаго права“? Вотъ въ чемъ заключается важная заслуга этого международнаго акта и несомнѣнное его значеніе въ исторіи права и культуры.

Послѣ заключенія Женевской конвенціи 1864 г. починъ во всѣхъ попыткахъ, направленныхъ къ ограниченію бѣдствій войны, исходитъ, преимущественно, отъ Россіи: Россія созвала въ 1868 г. въ С.-Петербургѣ военную международную конференцію для запрещенія употреблять разрывныя пули и въ 1874 г. Брюссельскую конференцію для опредѣленія обычаевъ и законовъ войны вообще.

Дѣйствуя на поприщѣ кодификаціи международныхъ законовъ, наше отечество не всегда достигало поставленной себѣ окончательной цѣли: политическій антагонизмъ и непонятная подозрительность европейскихъ державъ воздвигали всевозможныя затрудненія. Но исторія попытокъ, совершенныхъ Россіею на благо всѣхъ народовъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что, съ одной стороны, выясненіе началъ международнаго права входитъ въ задачи русской національной политики и что, съ другой стороны, въ концѣ концовъ, провозглашенныя Россіею идеи завоевываютъ себѣ общее признаніе даже со стороны тѣхъ державъ, которыя первоначально выступали непримиримыми ихъ врагами.

Укажемъ на самый разительный примѣръ.

Подобно тому какъ до настоящаго времени права и обязанности воюющихъ государствъ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ и взаимныхъ обвиненій, точно также права нейтральныхъ народовъ подвергались въ прошломъ столѣтїи самымъ разнообразнымъ толкованіямъ и постояннымъ нарушеніямъ *).

Въ то время какъ нейтральныя государства настаивали на признанїи за ними неотъемлемаго права продолжать торговлю съ воюющими государствами, нѣкоторые изъ самихъ воюющихъ считали себя въ правѣ воспретить нейтральнымъ державамъ какія бы то ни было торговыя сношенія съ ихъ непріятелемъ. Особенно произвольными дѣйствіями въ отношенїи нейтральной торговли постоянно отличалась Англія, опирающаяся на свое могущество на морѣ. Англійскіе каперы не переставали захватывать нейтральныя суда, и найденная на нихъ собственность, принадлежащая подданнымъ непріятельскаго государства, всегда признавалась англійскими же судьями законнымъ призомъ, въ то время, когда почти всѣ остальные государства провозглашали тотъ несомнѣнный международный законъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Кромѣ того, блокаду нейтральныя державы признавали обязательною въ томъ случаѣ, если ею дѣйствительно преграждался доступъ въ блокируемое мѣсто. Великобританія же, напротивъ, просто объявляла нейтральнымъ правительствамъ, что берега или гавани противника ея блокированы, не думая выставять никакихъ военныхъ силъ для прегражденія къ нимъ доступа и преслѣдуя всякое нейтральное судно, нарушающее такую фиктивную, или, какъ ее называютъ, бумажную блокаду. На всѣ про-

*) Подъ нейтралитетомъ слѣдуетъ понимать такое состояніе, при которомъ государства, не принимая участія въ войнѣ, продолжаютъ поддерживать съ каждымъ изъ воюющихъ мирныя отношенія. Вытекающія отсюда права и обязанности составляютъ содержаніе права нейтралитета.

тесты нейтральныхъ державъ Англія постоянно возражала, что не знаетъ защищаемыхъ ими общепризнанныхъ началъ международного права, но что ея взглядъ на морскую войну и обязанности нейтральныхъ народовъ во время войны основывается на разумѣ и вѣчныхъ началахъ правды и справедливости.

Чтобы положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ относительно правъ нейтральныхъ народовъ и предѣлъ насиліямъ со стороны могущественной Англіи, императрица Екатерина II обнародовала знаменитую декларацію отъ 28 февраля 1780 г., въ которой приглашала европейскія державы къ поддержанію слѣдующихъ началъ:

1) нейтральные корабли свободно могутъ продолжать торговлю съ воюющими державами;

2) непріятельская собственность подъ нейтральнымъ флагомъ пропускается неприкосновенно;

3) предметами военной контрабанды *) признаются только исчисленные въ статьяхъ 10 и 11 трактата 1766 г. Россіи съ Англією и

4) для дѣйствительности блокады требуется явная опасность нарушить ее.

Провозгласивъ эти „вѣчныя и наиболѣе справедливыя“ начала, императрица Екатерина II заключила вслѣдъ за тѣмъ съ отдѣльными европейскими державами конвенціи, на основаніи которыхъ договаривающіяся стороны признаютъ обязательную силу вышеприведенныхъ принциповъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязываются защищать ихъ всѣми силами отъ всякаго нарушенія. На основаніи этихъ конвенцій былъ заключенъ знаменитый „союзъ вооруженнаго нейтралитета“.

Но на этомъ императрица Екатерина II не желала остановиться. На основаніи документовъ, хранящихся

*) Военной контрабандою называются предметы, могущіе служить цѣлямъ войны. Подвозъ этихъ предметовъ одному изъ воюющихъ даетъ другому воюющему право ихъ конфисковать.

въ нашихъ архивахъ, можно безошибочно утверждать, что императрицу сильно занимала мысль о составленіи *общенароднаго кодекса*, въ которомъ были бы опредѣлены правила, обязательныя для всѣхъ народовъ во время морской войны. Только неблагоприятныя политическія обстоятельства помѣшали исполненію этого грандіознаго плана.

Само собою разумѣется, что Англія не могла не возставать всѣми своими силами противъ провозглашенныхъ Россіею началъ. Не только въ 1780 году англійское правительство, когда ему торжественно была сообщена февральская декларация, отказалось признать выставленныя въ ней начала справедливыми, но до послѣдняго времени оно придерживалось того же взгляда. Англійскіе писатели и государственные дѣятели не упускали случая, чтобы уронить несомнѣнное значеніе предпринятаго Екатериною II дѣла и доказать, что сама императрица не понимала важности провозглашенныхъ ею принциповъ *).

Между тѣмъ, начатое Россіею дѣло не только не пропало безслѣдно, но все болѣе и болѣе крѣпло. Начала Екатерининской декларации до такой степени были согласны съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ, что на Парижскомъ мирномъ конгрессѣ 1856 года они были торжественнѣйшимъ образомъ провозглашены обязательными международными законами. Подъ Парижскою декларациею 1856 года, повторявшею начала Екатерининской декларации, находятся также подписи уполномоченныхъ Англіи. Такимъ образомъ,

*) Въ англійской литературѣ особенно часто приводится предсловутой разговоръ 18 дек. 1780 г. императрицы Екатерины съ англійскимъ посломъ Гаррисомъ, въ которомъ она ужасно обрадовала своего собесѣдника словами, что „Neutralité armée“ есть „Nullité armée“. Англичанинъ въ своемъ восторгѣ не замѣтилъ, какъ искусно его морочила императрица [Исторія союза „вооруженнаго нейтралитета“ окончательно выяснена на основаніи неизданныхъ архивныхъ данныхъ проф. Мартенсомъ въ IX (X) томѣ, его извѣстнаго Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. *Ред.*].

„новый русскій международный кодекс“ — какъ Филлиморъ теперь еще называетъ, не безъ злости, Екатерининскую декларацію — былъ, въ концѣ концовъ, признанъ лучшимъ выраженіемъ основныхъ началъ морского международного права. Этотъ любопытный историческій примѣръ не можетъ не навести на многія соображенія въ виду новѣйшихъ попытокъ, дѣлаемыхъ Россіею, къ выясненію спорныхъ законовъ международного права во время войны. Англія и здѣсь явилась самымъ рѣшительнымъ противникомъ, объявляя эти попытки такими же „нововведеніями“ и измышленіями русской дипломатіи, каковыми были, по ея мнѣнію, принципы деклараціи 1780 года. Въ отношеніи этой деклараціи, какъ мы видѣли, Англія уже принесла повинную, признавъ декларацію Парижскаго конгресса 1856 г. Можетъ быть, не далеко и то время, когда измѣнится взглядъ англійскаго правительства на цѣль Брюссельской конференціи.

Предшественницею Брюссельской конференціи является военная конференція, созванная, по почину русскаго правительства, въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1868 года. Между обоими этими международными собраніями находится органическая, неразрывная связь: оба они имѣли цѣлью смягчить бѣдствія войны и тѣмъ осуществить положительныя желанія цивилизованныхъ народовъ, но, между тѣмъ какъ Петербургская конференція привела къ заключенію формальнаго международного акта и достигла поставленной цѣли, труды Брюссельской конференціи не удостоились до сихъ поръ формальной санкціи со стороны европейскихъ державъ. Извѣстно, что Петербургская конференція 1868 года была созвана съ цѣлію запретить утребленіе въ европейскихъ арміяхъ разрывныхъ пуль. Честь почина этого дѣла принадлежала военному министру генераль-адъютанту графу Д. А. Милютину.

Въ отношеніи военнаго министра къ государственному канцлеру, отъ 4 мая 1868 г., указывается на опыты, произведенные въ русской и иностранныхъ

арміяхъ надъ разрывными пулями безъ капсюля, воспламенение и разрывъ которыхъ происходятъ послѣ удара въ предметъ, имѣющій незначительную плотность (напримѣръ, хлѣбъ, тѣло животныхъ и т. п.). Въ случаѣ разрыва такой пули внутри человѣка, рана будетъ смертельная и очень мучительная, такъ какъ эти пули разлетаются на десять и болѣе осколковъ. Сверхъ того, составныя части ударнаго пороха, весьма вредно дѣйствуя на человѣческій организмъ, совершенно бесполезно увеличиваютъ страданія.

„Но по достиженію этихъ результатовъ“, продолжаетъ генераль-адъютантъ графъ Милютинъ, „военное министерство остановилось на обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли быть оправдано всеобщее введеніе разрывныхъ пуль какими-нибудь боевыми требованіями“.

Военный министръ отвѣтилъ отрицательно на этотъ вопросъ. Разрывныя пули, причиняющія людямъ и лошадямъ совершенно излишнія страданія, онъ объявилъ „чисто-варварскимъ средствомъ, не оправдываемымъ никакими боевыми требованіями“.

„Война есть неизбѣжное зло“, заключаетъ военный министръ, „которое желательно сдѣлать, сколько возможно, менѣе жестокимъ для человѣчества, и потому нѣтъ причины вводить такія смертоносныя средства, которыя только увеличиваютъ бѣдствія и страданія людей безъ всякой пользы для прямой цѣли войны. Оружіе должно быть употребляемо для того, чтобы ослабить непріятельскую армію. Вполнѣ достаточно, если большое число людей у непріятели выйдетъ изъ строя; но было бы варварствомъ усиливать страданія раненыхъ, выбывающихъ изъ строя“. „Воюющія стороны ни въ какомъ случаѣ не должны допускать болѣе зла, чѣмъ сколько нужно для достиженія цѣли. Всѣ страданія и всякій нанесенный ущербъ, которые не ослабляютъ противника, бесполезны и не должны быть допускаемы“.

На основаніи этихъ соображеній, генераль-адъю-

тантъ графъ Милютинъ призналъ необходимымъ посредствомъ международнаго соглашенія изгнать разрывныя пули изъ употребленія во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ стрѣльбы изъ ружей и скорострѣльныхъ пушекъ, для дѣйствія противъ зарядныхъ и патронныхъ ящичковъ.

Предложеніе русскаго правительства вступить въ соглашеніе по этому предмету и назначить своихъ представителей на военную международную конференцію въ С.-Петербургѣ было принято всѣми европейскими державами. Въ послѣднихъ числахъ октября 1868 года открылись засѣданія международной конференціи, подъ предѣдательствомъ военнаго министра. Въ третьемъ же засѣданіи конференціи была подписана декларация, на основаніи которой „договаривающіяся стороны обязуются, въ случаѣ войны между собою, отказаться взаимно отъ употребленія какъ сухопутными, такъ и морскими войсками снарядовъ, которые, при вѣсѣ менѣе 400 граммовъ, имѣютъ свойство взрывчатости или снаряжены ударнымъ или горючимъ составомъ“.

Таковъ результатъ военной международной конференціи 1868 года. Нельзя не замѣтить, что, несмотря на то, что этотъ торжественный актъ былъ подписанъ представителями всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ и Персіи, — далеко не всѣ одинаковымъ образомъ понимали цѣль и задачи конференціи. Во введеніи декларации 1868 года уполномоченные объявляютъ, что „успѣхи цивилизаціи должны имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе, по возможности, бѣдствій войны; что единственная законная цѣль, которую должны имѣть въ виду государства во время войны, состоятъ въ ослабленіи военныхъ силъ непріятеля“.

Эти мотивы декларации совершенно различно понимались членами конференціи.

Одни изъ нихъ, будучи проникнуты сознаниемъ великодушной мысли, высказанной русскимъ правительствомъ, желали дать ей наибольшее развитіе и вос-

пользоваться случаемъ для изгнанія изъ военной практики всѣхъ вообще средствъ борьбы, которыхъ нельзя не признать варварскими; другіе, напротивъ, желали предоставить воюющимъ державамъ неограниченную свободу въ выборѣ средствъ борьбы. Первое мнѣніе энергически поддерживалъ военный представитель прусскаго правительства, второе англійскій уполномоченный.

„Намъ кажется прежде всего“, писало прусское правительство въ нотѣ 29-го іюня (10-го іюня) 1868 года въ С.-Петербургъ, въ отвѣтъ на русское приглашеніе на конференцію, „что правительства должны будутъ дѣйствовать въ направленіи, данномъ деклараціею Парижскаго конгресса отъ 16-го апрѣля 1856 года опредѣленію международныхъ отношеній, если они воспользуются настоящимъ случаемъ для того, чтобы придать торжественное и всеобщее утвержденіе нѣкоторымъ аналогичнымъ началамъ, уже давно провозглашеннымъ международнымъ правомъ, иногда признаваемымъ и въ трактатахъ, заключенныхъ между тою или другою державою и приведеннымъ, болѣе или менѣе, въ исполненіе“.

Согласно съ этими соображеніями Пруссія предложила значительно расширить рамки Петербургской конференціи, полагая, что тогда еще лучше будетъ достигнута цѣль предпринимаго Россіею дѣла.

Совершенно иначе смотрѣла на это дѣло Англія. Она, не обинуясь, объявила, что не можетъ допустить такого расширенія первоначальной программы конференціи, находя его „несогласнымъ съ англійскими интересами“. Англія должна разсчитывать на научныя средства и техническія открытія для восполненія своихъ боевыхъ силъ. Стало быть, открытіе лорда Дондональда, состоящее въ поголовномъ умерщвленіи обывателей цѣлою непріятельской области посредствомъ распространенія смертоноснаго газа, дѣлаетъ честь духу изобрѣтательности и патріотизма англійскаго народа.

Прусское правительство, не нашедшее надлежащей и всеобщей поддержки со стороны другихъ державъ, взяло назадъ свое гуманное предложеніе, а международная конференція рѣшила только одинъ вопросъ, возбужденный Россіею насчетъ однѣхъ разрывныхъ пуль.

Однако не бесполезно замѣтить, что прусское предложеніе встрѣтило полнѣйшее сочувствіе не только со стороны Россіи, но также Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Португаліи, Баваріи, Вюртемберга и даже Турціи. Слѣдовательно, всѣ эти европейскія державы дѣйствительно признали необходимымъ подвергнуть обсужденію отношенія между воюющими государствами, насколько эти отношенія касаются средствъ войны. Всѣ эти державы были согласны въ томъ, что существующая неопредѣленность не соответствуетъ цѣли войны въ томъ видѣ, какъ она сознается совѣстью цивилизованныхъ народовъ. Всѣ эти правительства изъявили свою готовность лучше опредѣлить взаимныя права и обязанности воюющихъ, съ цѣлью поставить право войны въ согласіе съ правосознаніемъ народовъ и поднять его на высоту современной цивилизаціи и культуры.

Только Англія осталась вѣрна девизу своей національной политики: „*Pereat mundus, fiat—causa Britannorum!*“

Подписанная въ 1868 году Петербургская декларация относительно разрывныхъ пуль весьма скоро получила примѣненіе къ дѣлу. Меньше чѣмъ черезъ два года послѣ подписанія деклараціи возникла война между Франціею и Германіею, въ продолженіе которой разрывныя пули дѣйствительно не было употребляемы воюющими державами. Правда, слышались обвиненія въ нарушеніи этого международного акта, но они остались недоказанными. Ни одинъ изъ воюющихъ не отрицалъ обязательности деклараціи и не рѣшался употреблять разрывныя пули вѣсомъ меньше опредѣленнаго размѣра. Воюющія стороны были согласны

между собою относительно принципа, недопускающаго употребленія разрывныхъ пуль. Оставалось только доказать факты дѣйствительнаго нарушенія принятаго закона. Приведенные же факты не были настолько неоспоримы, чтобы съ перваго же взгляда утвердить убѣжденіе въ справедливости взаимныхъ обвиненій. Вотъ почему эти обвиненія въ нарушеніи Петербургской деклараціи постепенно были оставлены самими воюющими сторонами.

Совершенно въ иномъ видѣ представлялись обвиненія въ нарушеніи законовъ и обычаевъ войны, относительно точнаго смысла которыхъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія. Въ циркулярной нотѣ отъ 9-го января 1871 года, въ отвѣтъ на такую же ноту графа Шодорди, графъ Бисмаркъ категорически обвиняетъ французское правительство въ томъ, что оно даетъ своимъ войскамъ предписанія, „противныя какъ всѣмъ обычаямъ войны, принятымъ христіанскими народами, такъ и всякому чувству военной чести“. Графъ заявляетъ, что „правительство національной обороны“ вызвало въ жизнь силы, которыя оно не въ состояніи сдержать и „сохранить въ предѣлахъ международнаго права и традиціонныхъ военныхъ обычаевъ Европы“.

Еще въ болѣе энергическихъ словахъ были заявлены, со стороны французскаго правительства, обвиненія противъ германскихъ войскъ. „Пруссія“, пишетъ въ циркулярной нотѣ отъ 29-го ноября 1870 года графъ Шодорди къ представителямъ Франціи при нейтральныхъ дворахъ, „не только нарушила законы, наиболѣе чтимые человечествомъ, она не исполнила самыхъ торжественныхъ своихъ обязательствъ. Она ведетъ въ настоящее время свои войска, преобразованныя въ полчища разбойниковъ, къ войнѣ истребленія“. Пруссаки не только обвинялись въ самыхъ возмутительныхъ нарушеніяхъ Женевской конвенціи, но и въ несоблюденіи установленныхъ между цивилизованными государствами обычаевъ войны, какъ-

то: въ систематическомъ грабежѣ, въ поджогѣ жилищъ мирныхъ обывателей, въ казни защитниковъ отечества и т. п.

Неминуемымъ же послѣдствіемъ этихъ „нарушеній“ были: со стороны германскаго военнаго начальства— „примѣненіе съ крайнею суровостью права войны“, со стороны же французскаго — употребленіе репрессалій.

Вотъ чѣмъ объясняется то, что война франко-германская отличалась такими жестокостями и репрессаліями, которыя во всякомъ случаѣ не служатъ къ чести XIX вѣка.

Между тѣмъ обѣ воюющія стороны рѣшительно не могли согласиться насчетъ тѣхъ обычаевъ войны, на обязательную силу которыхъ онѣ ссылались. Постановленія Женевской конвенціи также подвергались серьезнымъ нарушеніямъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что лица, долженствовавшія ихъ примѣнять, имѣли о нихъ или крайне шаткія понятія, или не имѣли никакихъ. Если же войска не знаютъ постановленій трактата, получившаго силу положительнаго закона, то какимъ образомъ можно требовать отъ нихъ знанія никѣмъ неопредѣленныхъ обычаевъ или права войны?

Вотъ почему, во время франко-германской войны и по окончаніи ея, въ западно-европейской литературѣ стало появляться нѣсколько весьма краснорѣчивыхъ воззваній къ правительствамъ, приглашавшихъ положить конецъ существующему въ этомъ вопросѣ мраку ранѣе, чѣмъ возникнетъ новая война. Кромѣ того, учреждаются въ Западной Европѣ частныя общества (напримѣръ, парижское общество для улучшенія быта военноплѣнныхъ), которыя вырабатываютъ цѣлыя уставы относительно правилъ войны и повергаютъ ихъ на благосклонное разсмотрѣніе правительствъ.

Справедливость требуетъ сказать, что нигдѣ періодическая печать не настаивала съ такою энергіею на

необходимости сдѣлать то, что сдѣлала Брюссельская конференція въ 1874 году, какъ... въ *Англии*. Въ продолженіе войны 1870 — 1871 г. въ главнѣйшихъ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ постоянно появлялись статьи, въ которыхъ обвинялась Германія не только въ самыхъ ужасныхъ жестокостяхъ, но, въ то же время, указывались и средства предупредить ихъ на будущее время. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія статьи извѣстнаго англійскаго военнаго писателя Гамлея, появившіяся въ „Times“ за 1870 годъ.

Прежде чѣмъ указать на другія заявленія англійской печати, мы обязаны заплатить долгъ уваженія извѣстному англійскому юристу Моунтэгью - Бернарѣ, который еще въ 1856 году указалъ на неотложную необходимость положить конецъ господствующей анархій въ правѣ войны. Почтенный англійскій ученый, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращается къ родинѣ съ воззваніемъ взять на себя починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ и оказать услугу человечеству, потому что Англія меньше всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ пострадала отъ бѣдствій войны, но всегда гордилась своимъ великодушіемъ и благородствомъ.

Если въ 1874 году, послѣ Брюссельской конференціи, Моунтэгью-Бернарѣ отчасти отрекся отъ своего прежняго убѣжденія, полагая, что всѣ обычаи войны „отлично знакомы“ европейскимъ арміямъ и полной кодификаціи ихъ нежелательно, то мы позволяемъ себѣ, въ случаѣ выбора между воззрѣніемъ 1856 года и 1874 года, выразить полное наше сочувствіе только первому, болѣе старому и, по всей вѣроятности, свободному отъ всякаго посторонняго вліянія. Этого мало. Мы даже охотно признали бы этого англійскаго ученаго „духовнымъ отцомъ“ Брюссельской конференціи, если бы онъ самъ не отрещивался отъ этой чести.

Послѣ вышеупомянутыхъ статей Гамлея заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи одного англійска-

го публициста, напечатанныя въ январской и апрѣльской книжкахъ журнала: „*Quarterly Review*“ за 1871 годъ. Въ статьяхъ: „*О нашествіи на Францію*“ и „*Политическіе уроки войны*“ авторъ жестоко осуждаетъ поведеніе германскихъ войскъ на французской территоріи. Но въ статьѣ: „*О военныхъ обычаяхъ*“ тотъ же писатель вновь изучаетъ мѣры, принимавшіяся германскимъ военнымъ начальствомъ въ отношеніи французовъ, съ цѣлью указать на средства къ устраненію тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыми была такъ богата война 1870 года. Онъ весьма краснорѣчиво доказываетъ, что, такъ какъ новыя войны въ Европѣ неизбѣжны, то нравственный долгъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы ограничить, насколько возможно, страданія и насилія, связанныя съ войною. Единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ представляется, по его мнѣнію, немедленное разрѣшеніе вопроса: какіе обычаи войны имѣютъ дѣйствительно обязательную силу?

„Чѣмъ болѣе вѣроятно“, говоритъ авторъ, „что войны, отъ времени до времени, будутъ вновь возникать, тѣмъ болѣе необходимо попытаться достигнуть какого бы то ни было *соглашенія* относительно точнаго разрѣшенія вопроса: „какіе военные обычаи должны быть признаны обязательными?“

На основаніи сказаннаго англійскій публицистъ предлагаетъ заключить между европейскими державами конвенцію, точно опредѣляющую законы и обычаи войны. Онъ полагаетъ, подобно Бернару, что въ особенности въ интересахъ Англій содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса. Мало того, онъ даже исчисляетъ тѣ вопросы, которые непременно должны быть опредѣлены предлагаемою имъ конвенціею. Замѣчательно, что Брюссельская декларация 1874 года удовлетворяетъ, не только по формѣ, но и по существу, требованіямъ, высказаннымъ въ 1871 г. этимъ англійскимъ писателемъ.

Не менѣе категорически высказался въ пользу не-

обходимости заключенія международной конвенціи относительно обычаевъ и законовъ войны другой англійскій писатель—Друпъ. Этотъ авторъ подробно разсматриваетъ крайне спорный вопросъ о вольныхъ стрѣлкахъ или волонтерахъ и, въ концѣ концовъ, тоже приходитъ къ убѣжденію, что необходимо скорѣе рѣшить вопросы относительно законовъ войны.

„Война“, говоритъ Друпъ, „все-таки, по необходимости, является ужаснымъ бѣдствіемъ, даже если она ведется съ соблюденіемъ всѣхъ условій, охраняющихъ неприкосновенность несражающихся, военноплѣнныхъ и раненыхъ, и принятыхъ нашимъ гуманнымъ вѣкомъ. Но ужасы войны значительно увеличиваются, если къ первоначальной распрѣ, разрѣшаемой воюющими законною борьбою, присоединяется еще новый споръ относительно *порядка* веденія войны“. Неизбѣжныя репрессалии, къ которымъ прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ воюющія стороны, „болѣе увеличиваютъ взаимную ненависть, нежели первоначальная причина возникновенія войны“.

Вотъ почему Друпъ, еще въ 1870 году, обратилъ вниманіе Лондонскаго юридическаго общества на спорные вопросы права войны и доказывалъ необходимость заключенія международной конвенціи, „подобной Парижской и Женевской конвенціямъ“. „Только подобное международное соглашеніе“, заключаетъ свой интересный этюдъ англійскій юристъ, „представляется единственнымъ средствомъ для установленія болѣе гуманныхъ правилъ войны“.

Но этими современными англійскими писателями не прекращается рядъ англійскихъ защитниковъ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ. Необходимо еще указать на одного англійскаго публициста Сотерландъ *Эдвардсъ*, который на мѣстѣ изучилъ событія франко-германской войны, и на основаніи своего личнаго опыта приходитъ совершенно къ такому же заключенію, какъ Друпъ и другіе англійскіе писатели. Сотерландъ Эдвардсъ пришелъ къ тому убѣжденію,

что соглашеніе между „великими военными державами“ относительно обычаевъ войны значительно ограничило бы ея бѣдствія. На возраженіе противъ заключенія военной международной конвенціи, состоящее въ томъ, что нѣтъ гарантіи въ дѣйствительномъ исполненіи ея предписаній, Эдвардсъ совершенно справедливо отвѣчаетъ, что правила относительно парламентарскаго флага, врачебнаго персонала, разрывныхъ пуль и т. п. также не имѣютъ никакой особенной гарантіи. Но, утверждаетъ онъ, несмотря на это, эти постановленія рѣдко нарушались. „Провозглашеніе началъ“, заключаетъ Эдвардсъ, „согласныхъ съ духомъ времени, уже обезпечиваетъ въ извѣстной степени ихъ исполненіе“.

Относительно обычаевъ и законовъ войны существуетъ полная неопредѣленность между воюющими государствами, и Сотерландъ Эдвардсъ указываетъ на множество фактовъ изъ франко-германской войны въ подтвержденіе того, что подобное положеніе вещей приводитъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ силы и недостойно цивилизованныхъ народовъ.

Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что Сотерландъ Эдвардсъ горячо защищалъ свое мнѣніе и дѣло Брюссельской конвенціи, несмотря на враждебное положеніе, которое было принято Англіею по отношенію къ почину Россіи въ этомъ вопросѣ.

Читатель согласится съ нами, что едва ли можно убѣдительно привести доказательствъ гуманности инициативы Россіи въ попыткѣ кодифицировать обычаи войны. Мы останавливались, главнымъ образомъ, на англійской литературѣ потому, что она наиболѣе обогатилась, вслѣдъ за франко-германскою войною, заявленіями о необходимости скорѣйшаго уничтоженія господствующей неопредѣленности и безначалія. Съ другой стороны, голосъ англійскихъ писателей еще потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что это голосъ людей, изучившихъ отчасти на мѣстѣ военныя событія и пра-

вительство которыхъ оставалось нейтральнымъ во время этой войны. Наконецъ — at last but not at least — вѣдь Англія все-таки страна, въ которой интересы права и цивилизаціи, казалось бы, всегда должны были находить себѣ поддержку, а не противо-дѣйствіе.

Впрочемъ, подобные отзывы появлялись отъ времени до времени, не только въ англійской печати, но и въ итальянской и въ германской литературѣ. Такъ, мы указали выше на рѣчь знаменитаго итальянскаго государственнаго дѣятеля Манчини, въ которой онъ признаетъ за нашимъ временемъ особенное „призваніе“ на поприщѣ кодификаціи международнаго права вообще и права войны въ особенности.

Въ самомъ разгарѣ франко-германской войны извѣстный германскій философъ Тренделенбургъ указалъ на высокую цѣль стремленій современныхъ европейскихъ государствъ — заключеніе международнаго соглашенія относительно обычаевъ войны.

Всѣ эти заявленія приводятъ насъ къ тому заключенію, что мысль, вызвавшая созваніе Брюссельской конференціи, до такой степени гуманна и послѣдовательно вытекаетъ изъ опыта новѣйшихъ войнъ, что она, рано или поздно, должна была бы возникнуть, если бы даже русское правительство и не приняло на себя почетнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Потребность въ точномъ опредѣленіи законовъ или обычаевъ войны настолько же была настоятельна, насколько и согласна съ воззрѣніями вполне компетентныхъ лицъ, изучавшихъ факты послѣднихъ войнъ не только съ точки зрѣнія военнаго дѣла. Мы можемъ даже сказать, что эта мысль сознавалась общественнымъ мнѣніемъ Европы, насколько оно обнаруживалось въ печати до созванія Россіею международной конференціи въ Брюсселѣ. Не безъ основанія можно думать, что если бы не Россія, то навѣрно какая-нибудь другая европейская держава взяла бы на себя, въ ближайшемъ будущемъ, инициативу въ этомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ, Россіи принадлежитъ честь возбужденія и направленія дѣла, въ правильномъ разрѣшеніи котораго должно видѣть залогъ предупрежденія излишнихъ насилій и произвола въ международныхъ войнахъ.

Извѣстный французскій писатель заявилъ, что сѣверо-американскія инструкціи даютъ Линкольну право на вѣчную славу. Мы позволяемъ себѣ думать, что Брюссельская конференція займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Россіи.

IV.

Недовѣріе къ дѣйствительной цѣли Брюссельской конференціи.— Три способа осуществленія кодификаціи законовъ и обычаевъ войны. — Происхожденіе, личный составъ, труды и результаты Брюссельской конференціи.— Причины неокончанія дѣла Брюссельской конференціи.

Относительно исторіи происхожденія Брюссельской конференціи 1874 года и мотивовъ, вызвавшихъ ее въ жизнь, сложилась въ Западной Европѣ цѣлая легенда. Если одни, понимавшіе великодушныя намѣренія Государя Императора, видѣли въ созваніи этой конференціи только желаніе принести существенную пользу дѣлу человечности во время войны, то другіе, напротивъ, не упускали случая отыскать какія-нибудь за-таенныя причины и заднія мысли въ великодушной инициативѣ Россіи. Между прочимъ, съ замѣчательною ловкостью былъ пущенъ во французской и англійской періодической печати слухъ, что князь Бисмаркъ придумалъ эту конференцію съ цѣлью обезпечить за собою законное право распоряжаться во Франціи въ случаѣ новой войны. Русскій проектъ открыто объявлялся „code d'invasion“, который былъ предварительно составленъ въ Берлинѣ и который прусское правительство не находило, будто бы, возможнымъ и приличнымъ само предложить на разсмотрѣніе европейскихъ державъ. По истинѣ у страха глаза велики! Францу-

замъ казалось, что послѣ войны 1870 года имъ повсюду были разставлены искусною рукою „желѣзнаго князя“ сѣти и ловушки. Они до такой степени были объяты страхомъ предъ Пруссіею, что имъ и въ голову не приходило сравнить постановленія русскаго проекта объ обычаяхъ и законахъ войны съ поведеніемъ германскаго военнаго начальства на французской территоріи. Изъ такого сравненія они непременно увидѣли бы, насколько статьи русскаго проекта, въ случаѣ новой войны съ Франціею, могутъ, при добросовѣстномъ ихъ исполненіи, ограничить произволь сильнѣйшаго и значительно охранить интересы мирнаго населенія завоеванной территоріи. Французскимъ публицистамъ, чувшимъ всюду прусскія „интриги“, не пришла мысль даже подумать о томъ, что, напримѣръ, русскій проектъ, при опредѣленіи правъ вольныхъ стрѣлковъ, скорѣе принялъ взглядъ французскаго правительства, нежели германскаго военнаго начальства.

Прийти къ такого рода заключеніямъ значило, съ одной стороны, отречься отъ своихъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей, съ другой—изучить представленный на усмотрѣніе европейскихъ правительствъ и обнародованный русскій проектъ, долженствовавшій лечь въ основаніе трудовъ созванной международной конференціи; но отреченіе отъ предразсудковъ требовало сознательнаго отношенія къ самому себѣ и къ реальнымъ фактамъ—чего не было у этихъ алармистовъ. Еще меньше было у нихъ желанія добросовѣстно изучить проектъ изъ 71 статьи.

Успѣхъ, выпавшій на долю этихъ сочинителей легендъ, былъ въ высшей степени блестящъ. Не только во Франціи, но даже въ Бельгіи, Голландіи и, въ особенности, въ Англіи стали распространяться всевозможные нелѣпые слухи насчетъ *дѣйствительной* цѣли предложенной международной конференціи, такъ что общественное мнѣніе Европы искусственнымъ образомъ было настроено скорѣе противъ, нежели за предпри-

нятое Россіей дѣло. Вотъ почему стоило только какому-нибудь государственному дѣятелю выказать недо-вѣріе къ Брюссельской конференціи, чтобъ прослыть за великаго государственнаго мужа и безстрашнаго спасителя отечества.

Рѣшившись принять на себя инициативу въ вопросѣ о кодификаціи обычаевъ и законовъ войны, Россія могла выбрать для достиженія поставленной цѣли три различныхъ пути, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои хорошія стороны.

Во-первыхъ, наше правительство могло бы ограничиться обнародованіемъ наказа о военныхъ законахъ и обычаяхъ, обязательнаго для русскихъ войскъ во время войны съ тѣми государствами, которыя впередъ объявятъ о своемъ согласіи предписать своимъ войскамъ тѣ же правила въ отношеніи русскихъ армій и подданныхъ. Въ такомъ случаѣ иностранныя державы, желающія обезпечить за своими подданными, въ войнѣ съ Россією, права и преимущества, провозглашенныя нашимъ правительствомъ, были бы вынуждены присоединиться къ сдѣланной имъ деклараціи. Но такія инструкціи, не находящіяся въ согласіи съ инструкціями противной воюющей стороны, неудобны. Если же во время войны между данными государствами состоится соглашеніе относительно обычаевъ войны, то оно, по всей вѣроятности, будетъ облечено въ форму международнаго акта. Если же въ мирное время такого согласія не установилось, то трудно себѣ представить, чтобы обмѣнъ мыслей насчетъ наказовъ для войскъ былъ возможенъ послѣ начатія военныхъ дѣйствій.

Второй путь состоитъ въ томъ, что Россія могла сообщить свой проектъ военнаго свода всѣмъ иностраннымъ державамъ, безъ исключенія, войдя предварительно въ формальное соглашеніе съ тѣми державами, съ которыми оно наиболѣе вѣроятно, въ виду общности политическихъ интересовъ и военной организаціи. Предположимъ, напримѣръ, что великія воен-

ныя державы Европы совершенно были бы согласны съ постановленіями русскаго проекта и, благодаря прочности соединяющихъ ихъ общихъ политическихъ интересовъ во всѣхъ вопросахъ извѣстной практической важности, немедленно были бы готовы подписать предложенную конвенцію,—тогда поставленная цѣль также была бы достигнута. Если же великія державы, въ войнахъ между собою, обязываются соблюдать конкретныя правила, ограничивающія ихъ дѣйствія, то понятно, насколько малыя государства заинтересованы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы обезпечить свои права въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Не присоединиться къ великимъ державамъ, согласнымъ между собою, было бы со стороны второстепенныхъ государствъ прямымъ наложеніемъ руки на жизненные интересы и права своихъ собственныхъ подданныхъ. Если кому будетъ непосредственно выгодно господство права во время войны, такъ это именно націямъ политически слабымъ; для великихъ же державъ точно опредѣленные военные законы составляютъ прежде всего нѣкоторое самоограниченіе, хотя въ сущности также совершенно согласное съ ихъ разумными интересами. Неограниченный произволъ не можетъ быть, въ своихъ конечныхъ результатахъ, никому выгоденъ, и территоріи великихъ державъ не застрахованы на вѣчныя времена отъ возможности непріятельскаго нашествія.

Этотъ путь имѣетъ свои очень хорошія стороны: онъ скорѣе обезпечиваетъ достиженіе цѣли, потому что соглашеніе между великими военными державами гораздо скорѣе возможно, въ виду солидарности интересовъ и сознанія грозящей имъ опасности отъ неопредѣленности „общепризнанныхъ“ обычаевъ войны. Переговоры по такому вопросу съ второстепенными державами могутъ утвердить въ нихъ странное убѣжденіе, что великія державы только и думаютъ объ ихъ гибели и выбрали средствомъ международную конвенцію объ обычаяхъ войны. Если такое убѣжденіе

существует—несмотря на всю свою странность—то задача малыхъ державъ, при участіи въ переговорахъ, можетъ только состоять въ сопротивленіи установленію подобнаго соглашенія между великими державами и въ стремленіи, по возможности, „провалить“ самое дѣло.

При такихъ обстоятельствахъ участіе незначительныхъ государствъ въ обсужденіи военной международной конвенціи можетъ быть только вредно. Но все-таки полное устраненіе ихъ можетъ имѣть мѣсто лишь при существованіи явныхъ доказательствъ ихъ желанія только затормозить успѣшный исходъ начатаго дѣла. Въ такомъ случаѣ второй путь представляется какъ *pis aller* въ сравненіи съ третьимъ.

Этотъ послѣдній путь состоитъ въ приглашеніи *всѣхъ* державъ на конгрессъ для обсужденія возбужденнаго вопроса, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ духу нашего времени и ближайшій къ цѣли. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что этотъ именно путь представляется сопряженнымъ съ наибольшими затрудненіями и препятствіями.

Русское правительство, великодушно желая сдѣлать предложенную имъ военную конвенцію общимъ достояніемъ *всѣхъ* цивилизованныхъ народовъ, выбрало этотъ послѣдній путь, но на первомъ же шагу должно было встрѣтить затрудненіе и враждебное настроеніе.

Въ открыто враждебное положеніе къ поднятому Россією вопросу стала Англія. Если *всѣ* другія европейскія державы сочувственно приняли предложеніе русскаго правительства, то С.-Джемскій кабинетъ, напротивъ, объявилъ, что „онъ твердо рѣшился не вступать ни въ какія разсужденія о правилахъ международного права, управляющихъ отношеніями между воюющими, и не заключать никакихъ новыхъ обязательствъ, никакихъ новыхъ договоровъ какого бы то ни было рода на счетъ общихъ принциповъ“.

Сверхъ того, англійское правительство требовало отъ русскаго, а равно и отъ всѣхъ другихъ европейскихъ правительствъ, положительнаго удостовѣренія въ томъ, что на конференціи будутъ обсуждаться только вопросы, затронутые въ русскомъ проектѣ, и, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ рѣчи объ отношеніяхъ между воюющими на морѣ.

Послѣ такихъ заявленій со стороны англійскаго правительства, казалось бы, проще всего оставить Англію на своемъ островѣ и не требовать ея участія въ обсужденіи вопросовъ, которые, въ виду особеннаго географическаго положенія этого государства, мало ея касаются. Притомъ исторія международныхъ отношеній вполнѣ подтверждаетъ, что никогда Англія не только не содѣйствовала, но, напротивъ, всегда противодѣйствовала всѣмъ попыткамъ ограничить бѣдствія войны посредствомъ выясненія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ. Всегда Англія была защитницею самаго неограниченнаго произвола и для того, чтобы нанести вредъ своему противнику, никогда не стѣснялась въ средствахъ. Стоитъ только вспомнить поведеніе Англій по отношенію къ Екатерининской деклараціи 1780 г.; стоитъ возобновить въ памяти великіе подвиги англійскаго флота во время крымской войны въ Балтійскомъ и черномъ моряхъ противъ рыбачьихъ лодокъ и беззащитныхъ городовъ. Напримѣръ, изъ донесенія генераль-губернатора великаго княжества Финляндскаго отъ 20 іюля 1855 г. видно, что англичане не только сожгли около 20 коммерческихъ кораблей, застигнутыхъ ими врасплохъ въ Ништадской гавани, но даже лодки и собственность бѣдныхъ рыбаковъ подвергались уничтоженію и разграбленію.

Насколько такой взглядъ на войну дѣйствительно согласенъ со взглядомъ англійскаго народа и составляетъ одну изъ традицій англійской національной политики — видно изъ того, что и теперь еще англійскіе

государственные люди и болѣе замѣчательные юристы совершенно откровенно признають цѣль военныхъ дѣйствій въ томъ, чтобы „заставить“ подданныхъ непріятельскаго государства идти противъ своего собственнаго правительства и принудить его къ подписанію мира. Всѣ ужасы, всѣ жестокости, всѣ варварства противъ подданныхъ непріятельскаго государства безусловно дозволены, если только этимъ способомъ можно заставить подданныхъ предать свое собственное правительство и совершить преступленіе государственной измѣны!

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ и съ какою откровенностью выражаетъ эту мысль Филиморе, извѣстный современный англійскій юристъ: „Лишенія, которымъ подвергаются подданные (воюющаго государства), гоненія, на нихъ обрушивающіяся, и требованія, имъ поставляемыя, представляются *естественными средствами къ исправленію честолюбія и страстей правителей*“.

Намъ кажется, что, въ виду такихъ фактовъ, скромное желаніе Моунтэгью - Бернара и Окъ Маннинга, чтобы Англія стояла во главѣ цивилизованныхъ народовъ, стремящихся къ ограниченію бѣдствій войны и старающихся съ этою цѣлью опредѣлить ея законы и обычаи, дѣлаетъ имъ лично честь, но неосуществимо, потому что противорѣчитъ всѣмъ сложившимся преданіямъ англійской политики. Зато совершенно правильно понялъ Филиморе великодушные порывы англійскаго генія и высокую нравственную цѣль систематическаго сопротивленія Англіи всѣмъ попыткамъ ограничить бѣдствія войны.

При такихъ обстоятельствахъ отношеніе Англіи къ Брюссельской конференціи становится совершенно понятнымъ. Нельзя же думать, что англійская политика уже въ 1874 году поставила себѣ цѣлью во всѣхъ вопросахъ, безъ исключенія, занимать враждебное Россіи положеніе.

Можно думать, что эта послѣдняя мысль руково-

дила русскимъ правительствомъ въ его отвѣтъ на англійскую депешу отъ 4 іюня. Оно не видѣло основанія для такой систематической вражды и не хотѣло вѣрить въ дѣйствительность преклоненія Англіи предъ неограниченнымъ произволомъ во время международной войны.

Въ отвѣтной депешѣ отъ 2 (14) іюля 1874 г. русское правительство увѣряетъ Англію въ томъ, что собирающаяся въ Брюсселѣ конференція ни въ какомъ случаѣ не выступитъ изъ предѣловъ, начертанныхъ русскимъ проектомъ. „Отсюда слѣдуетъ“, продолжаетъ русская депеша, „что ни военныя дѣйствія на морѣ, ни морскія войны, ни отношенія между воюющими на морѣ, ни вообще общепризнанныя начала международнаго права не будутъ нами ни возбуждаемы, ни затрогиваемы“.

Дать большого удовлетворенія Англіи, само собою разумѣется, было положительно невозможно; отвѣчать болѣе ясно и категорически на поставленный вопросъ представляется совершенно немислимымъ.

Получивъ эти обѣщанія, Англія согласилась назначить своего делегата на Брюссельскую конференцію, поручивъ ему не принимать никакого участія въ преніяхъ и не подписывать никакихъ актовъ. Представитель Англіи добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнилъ возложенное на него порученіе: во время засѣданій конференціи, продолжавшейся болѣе мѣсяца, онъ не произносилъ ни одного слова при обсужденіи статей русскаго проекта. Невольно возникаетъ вопросъ: не повредило ли это краснорѣчивое молчаніе англійскаго делегата успѣху Брюссельской конференціи больше, нежели могло бы повредить полнѣйшее отсутствіе представителя Англіи?

Какъ бы ни было, въ началѣ іюля мѣсяца открытіе конференціи было обезпечено: всѣ европейскія державы дали свое согласіе на назначеніе своихъ делегатовъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, также получившіе приглашеніе на конференцію, остались на поч-

въ теоріи Монрое, предписывающей имъ уклоняться отъ участія въ дѣлахъ, которыя прежде всего касаются однихъ европейскихъ народовъ. Вашингтонское правительство также не принимало участія въ военной международной конференціи въ Петербургѣ по поводу запрещенія разрѣшенныхъ разрывныхъ пули.

При такихъ обстоятельствахъ, 15 (27) іюля 1874 года состоялось торжественное открытіе конференціи, засѣданія которой продолжались каждый день, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ, вплоть до 15 (27) августа. Послѣ открытія бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Аспрмонъ-Линденомъ, конференціи, первый уполномоченный Россіи, баронъ А. Г. Жомини, предложилъ собранію избрать въ председатели перваго уполномоченнаго Бельгійи, барона Ламбермона. Послѣ отклоненія послѣднимъ отъ себя этой чести, въ виду того, что Россіи исключительно принадлежитъ инициатива и великодушная мысль, положенная въ основаніе созванной конференціи, въ председатели единогласно былъ избранъ баронъ Жомини.

Во второмъ засѣданіи, по предложенію перваго австро-венгерскаго делегата, было опредѣлено назначить комиссію для предварительнаго изученія всѣхъ статей русскаго проекта. Въ составъ этой комиссіи должно было войти по одному представителю отъ каждаго государства, который могъ бы чередоваться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ товарищей. На этой комиссіи лежалъ весь трудъ Брюссельской конференціи; и въ средѣ ея все болѣе и болѣе рельефно выразились тѣ вліянія, которыя привели въ концѣ концовъ къ тому, что оказалось невозможнымъ подписать окончательную формальную конвенцію.

Неизлишне будетъ указать здѣсь на одинъ фактъ, который явно бросается въ глаза при внимательномъ чтеніи протоколовъ Брюссельской конференціи. По первоначальному намѣренію европейскихъ державъ, каждая изъ нихъ должна была назначить по одному

дипломату и по одному военному, въ виду того, что русскій проектъ затрогиваетъ и „вышіе политическіе интересы“ въ своихъ опредѣленіяхъ взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ. Но три державы (Германія, Бельгія и Россія) назначили, кромѣ того, по одному специалисту по международному праву. При внимательномъ чтеніи русскаго проекта нельзя не придти къ выводу, что всѣ затронутые вопросы касаются, прежде всего, военныхъ цѣлей, затѣмъ международного права и въ весьма незначительной степени, такъ называемыхъ, „вышихъ политическихъ интересовъ“.

Между тѣмъ, при разсмотрѣніи протоколовъ комиссіи оказывается, что дипломаты играли въ ней, безъ сомнѣнія, первую роль рядомъ съ военными. Но этого мало: всѣ главнѣйшія затрудненія и преграды къ благополучному окончанію конференціи исходили отъ членовъ, — дипломатовъ, считавшихъ себя обязанными, во имя высшихъ соображеній, защищать права своего отечества, — права, на которыя, впрочемъ, никто не думалъ посягать. Можно предполагать, что соглашеніе между одними военными было бы достигнуто скорѣе и результатъ конференціи болѣе соответствовалъ бы возложеннымъ на нее надеждамъ.

Въ девятнадцати засѣданіяхъ комиссія всесторонне разбирала всѣ статьи русскаго проекта, начиная, прежде всего, съ тѣхъ, которыя меньше всего могли возбуждать разногласія и непримиримые споры.

Весь русскій „проектъ международной конвенціи касательно законовъ и обычаевъ войны“ раздѣляется на четыре отдѣла:

I-й—о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга;

II-й—о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ;

III-й—о сношеніяхъ между воюющими сторонами, и, наконецъ,

IV-й—о репрессаліяхъ.

Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ семь главъ, въ которыхъ говорится: 1) о военной власти на непріятельской территоріи; 2) о томъ, кто долженъ считаться воюющею стороною, и о комбатантахъ и некомбатантахъ; 3) о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю; 4) объ осадѣ и бомбардированіи; 5) о шпионахъ; 6) о военноплѣнныхъ 7) о некомбатантахъ и раненыхъ.

Во *второмъ* отдѣлѣ опредѣляются: во-1-хъ, власть военная въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и во-2-хъ, вопросъ о реквизиціяхъ и контрибуціяхъ. Затѣмъ, *третій* отдѣлъ касается средствъ сообщенія между воюющими сторонами, парламентаровъ и капитуляцій. *Послѣдній* же отдѣлъ состоитъ всего только изъ трехъ статей.

Наконецъ, для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что въ самомъ началѣ проекта поставлены пять общихъ положеній, въ которыхъ выраженъ основной взглядъ на международную войну, какъ онъ неоднократно былъ высказанъ въ правительственныхъ актахъ и господствуетъ въ наукѣ международнаго права. Въ виду чисто-теоретическаго характера этихъ основныхъ принциповъ, они не были обсуждаемы на конференціи *). Весьма вѣроятно, что цѣль ихъ заключалась только въ томъ, чтобы предупредить всякое сомнѣніе въ гуманности взгляда и намѣреніи, вызвавшихъ въ жизнь самый проектъ.

Комиссія приступила прежде всего къ обсужденію наименѣ спорныхъ частей проекта. Она начала съ статей о средствахъ наносить вредъ непріятелю, потомъ перешла къ статьямъ о парламентаряхъ, о капитуляціяхъ, военноплѣнныхъ, о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Только по обсужденіи этихъ вопросовъ, не возбуждавшихъ никакихъ особенно рѣзкихъ разногласій, комиссія приступила къ изученію тѣхъ статей русскаго проекта, которыя оказались наиболѣе

*) „Приложеніе“ V къ настоящему сборнику.

спорными и наиболѣе трудными для немедленнаго разрѣшенія. Сюда относятся отдѣлы, касающіеся правъ и власти оккупационной арміи въ предѣлахъ непріятельскаго государства и правъ мирныхъ обывателей занятой территоріи на участіе въ активныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. При разсмотрѣніи именно этихъ вопросовъ дипломатическая точка зрѣнія неоднократно одерживала верхъ надъ воззрѣніями, основывающимися на военномъ опытѣ вѣковъ и неотложныхъ требованіяхъ самой войны. Здѣсь оказалось наиболѣе удобнымъ выступать въ ореолѣ защитника священныхъ правъ народной обороны. Члены комиссіи не могли согласиться ни насчетъ объема правъ оккупационной арміи, ни относительно условій для народныхъ возстаній противъ непріятельской власти. Это разногласіе не исчезло и въ общихъ засѣданіяхъ конференціи, въ которыя были переданы результаты работъ учрежденной комиссіи.

Въ первомъ засѣданіи конференціи отъ 26 августа, въ которое былъ внесенъ отчетъ о занятіяхъ комиссіи, баронъ Жюмини призналъ необходимымъ еще разъ поставить на подобающее имъ мѣсто эти постоянныя увѣренія нѣкоторыхъ членовъ конференціи въ томъ, что ихъ правительства любятъ миръ и не могутъ сочувствовать стараніямъ, направленнымъ къ расширенію (sic!) правъ сильнаго воюющаго насчетъ слабого противника.

„Нѣкоторые изъ господъ делегатовъ“, заявилъ первый уполномоченный Россіи, „признавали нужнымъ неоднократно заявлять объ исключительно-миролюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ правительствъ, — намѣреніяхъ, вытекающихъ изъ особеннаго ихъ положенія, которое создали для нихъ политическія, историческія и географическія условія“.

„Отъ имени нашего отчества мы можемъ увѣрить васъ, М. Г., въ томъ же самомъ. Россія — великая держава, великая своимъ могуществомъ, своимъ пространствомъ, своимъ единствомъ и своимъ народнымъ

духомъ. Не смотря на это, она искренно предана интересамъ мира. Величина ея устраняетъ всякую мысль о завоеваніяхъ или наступательныхъ войнахъ, а оборонительная ея сила такъ велика въ настоящее время, что ей нечего опасаться какого бы то ни было нападенія. Поэтому наше правительство съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ предложило созваніе этой конференціи и представило на ея обсужденіе свой проектъ. Оно руководствовалось тою мыслью, что существуютъ весьма важные вопросы, требующіе разрѣшенія въ видахъ общаго блага. Россія чувствуетъ себя слишкомъ солидарною съ интересами всѣхъ, чтобы не исполнять обязанностей, вытекающихъ для нея изъ почетнаго и сильнаго положенія, занимаемаго ею въ Европѣ“.

Эти слова чрезвычайно мѣтко опредѣляютъ дѣйствительную цѣль Брюссельской конференціи и намѣренія русскаго правительства, характеризуя, въ то же время, въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ, образъ дѣйствій представителей такихъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, которые всѣми силами старались уронить дѣло Брюссельской конференціи въ общественномъ мнѣніи Европы.

Здѣсь не мѣсто представить подробный анализъ всѣхъ постановленій и мнѣній, высказанныхъ на конференціи.

Изъ вышепредставленной характеристики преній и хода занятій Брюссельской конференціи можно было заключить, что она не приведетъ къ немедленному подписанію общеобязательнаго международнаго акта. Разногласія были до такой степени существенны, что совершенно необходимо было предоставить высшимъ правительствамъ вновь подвергнуть всестороннему обсужденію разсмотрѣнные на конференціи вопросы и рѣшить, какой дальнѣйшій путь долженъ быть избранъ для достиженія окончательно поставленной цѣли. Поэтому составленный на конференціи „проектъ декларациі объ обычаяхъ и законахъ войны“ не могъ

получить обязательной силы юридического акта *). Подписи всѣхъ членовъ конференціи, не исключая подписи генерала Горсфорда, встрѣчаются только подъ „окончательнымъ протоколомъ“. Этимъ актомъ констатируются возникшія разногласія и сообщаются на дальнѣйшее усмотрѣніе европейскихъ державъ всѣ протоколы конференціи, вмѣстѣ съ приложениями. Но въ этомъ „окончательномъ протоколѣ“ встрѣчается также упоминаніе о томъ, что всѣ безъ исключенія члены конференціи согласно признали крайнюю необходимость точнѣе опредѣлить и пересмотрѣть установившіеся обычаи и законы войны. Всѣ они раздѣляютъ, въ этомъ отношеніи, взглядъ русскаго правительства и съ благоговѣніемъ признаютъ благотворность великодушнаго почина Государя Императора.

Кромѣ того, „единодушно было признано“, констатируетъ окончательный протоколъ, „что развитіе цивилизаціи должно привести къ смягченію, насколько возможно, бѣдствій войны, и что единственная законная цѣль, которую государства должны себѣ ставить во время войны, состоитъ въ ослабленіи непріятеля, безъ причиненія ему бесполезныхъ страданій“.

Послѣ подписанія этого акта конференція была закрыта. Члены ея выразили надежду собраться впоследствии въ Петербургъ для заключенія уже окончательнаго формальнаго договора, на основаніи новыхъ инструкцій отъ своихъ правительствъ. Русское правительство точно также нисколько не имѣло основанія отчаяваться въ достиженіи своей первоначальной цѣли, въ особенности въ виду того, что общественное мнѣніе Россіи и Западной Европы, мало-помалу, стало лучше понимать все практическое значеніе и великодушную цѣль предпринятаго Россією дѣла.

*) См. текстъ этого проекта въ „Приложеніи“ IV къ настоящему Сборнику.

Циркулярною депешою отъ 26-го сентября 1874 г., наше правительство предложило державамъ, принявшимъ участіе въ трудахъ Брюссельской конференціи, сообщить ему всѣ свои замѣчанія и улучшенія, которыя онѣ находятъ полезными сдѣлать въ проектѣ составленной въ Брюсселѣ деклараціи. По полученіи всѣхъ этихъ данныхъ, русское правительство было бы въ состояніи рѣшить, насколько можно было достигнуть окончательнаго практическаго результата посредствомъ обмѣна декларацій, или составленія новаго проекта, или, наконецъ, созванія новой международной конференціи.

Европейскія правительства не замедлили послѣдовать этому приглашенію, насколько оно касалось новаго всесторонняго изученія трудовъ Брюссельской конференціи. Намъ положительно извѣстно, что въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ были учреждены особенныя коммиссіи изъ вполне компетентныхъ лицъ для изученія проекта Брюссельской деклараціи объ обычаяхъ и законахъ войны. Въ нѣкоторыхъ государствахъ эти коммиссіи весьма скоро успѣли окончить свою работу и представить свои заключенія на усмотрѣніе высшаго правительства. Въ другихъ государствахъ дѣло затянулось до начала 1875 года, когда положительный отказъ со стороны Англіи и, вслѣдъ затѣмъ, возникновеніе герцеговинскаго возстанія, лѣтомъ 1875 года, по необходимости, должны были пріостановить скорѣйшее рѣшеніе возбужденнаго Россією вопроса.

Всѣмъ извѣстна депеша лорда Дерби отъ 20 января 1875 г., въ которой онъ излагаетъ причины, заставляющія англійское правительство уклониться на будущее время отъ всякаго участія въ продолженіи занятій Брюссельской конференціи. Нельзя сказать, чтобъ на этой конференціи представитель Англіи принималъ, по крайней мѣрѣ открыто, малѣйшее участіе въ обсужденіи обычаевъ и законовъ войны. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи январская нота лорда

Дерби ничего новаго не приносить и только заявляетъ о рѣшеніи англійскаго правительства продолжать свою прежнюю политику въ отношеніи возбужденнаго Россією вопроса. Но эта нота въ томъ смыслѣ любопытна, что содержитъ въ себѣ откровенное изложеніе взгляда Англійи на международную войну и объясняетъ тѣ мотивы, которые лежатъ въ основаніи ея отказа принимать участіе въ предположенной въ Петербургѣ новой международной военной конференціи.

Опровергнуть здѣсь доводы англійской депеши въ пользу необходимости оставить неограниченнымъ произволь воюющихъ и поддерживать господствующую въ настоящее время шаткость въ пониманіи обычаевъ и законовъ войны, представляется совершенно излишнимъ въ виду того, что выше было не разъ говорено о своеобразномъ и средневѣковомъ воззрѣніи Англійи на войну. Вся депеша лорда Дерби есть ничто иное, какъ отрицательная, пристрастная и неудачная критика трудовъ Брюссельской конференціи. Англійское правительство видитъ не пользу въ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны, но положительный вредъ. Такимъ образомъ, оно даже опровергаетъ своего собственнаго уполномоченнаго на конференціи, который, своею подписью подъ „окончательнымъ протоколомъ“, подтвердилъ, что, напротивъ, посредствомъ пересмотра и лучшаго опредѣленія обычаевъ и законовъ войны, значительно можно ограничить ея бѣдствія и насилія.

Такова исторія Брюссельской конференціи. Въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ, Петербургская военная конференція не могла состояться, такъ какъ вниманіе Россіи и великихъ европейскихъ державъ скоро было поглощено новыми смутами на Балканскомъ полуостровѣ. Понятно, что, когда возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи стало принимать угрожающіе европейскому миру размѣры, дѣло Брюссельской конференціи должно было отступить на второй планъ. Возникновеніе же

Восточной войны, несмотря на заключеніе Берлинскаго трактата, само собою разумѣется, совершенно приостановило продолжавшіеся между европейскими державами переговоры о заключеніи формальнаго акта съ изложеніемъ обязательныхъ во время войны законовъ и обычаевъ.

Несмотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, труды Брюссельской конференціи никогда не будутъ забыты, всегда будутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на военныя дѣйствія и никогда не могутъ быть вычеркнуты изъ исторіи русской политики, направленной къ достиженію истинно гуманныхъ и великодушныхъ цѣлей *).

Примѣчаніе. Такое значеніе было торжественнымъ образомъ признано за инициативною русска-

*) Вѣрный въ этомъ отношеніи традиціямъ своихъ Августѣйшихъ дѣда и отца, благополучно нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ обратился 12 авг. 1898 г. къ державамъ съ предложеніемъ созвать конференцію съ цѣлью обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ непрерывными вооруженіями современныхъ государствъ и изысканія средствъ *предупредить угрожающія, благодаря имъ, всему міру несчастія.*

Въ началѣ нашего Сборника напечатанъ текстъ этого „Манифеста мира“, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ актовъ въ исторіи международныхъ отношеній XIX вѣка, блестящимъ образомъ завершающаго дѣятельность нашего отечества въ текущемъ столѣтіи на поприщѣ гуманизации войны.

Въ январѣ мѣсяцѣ этого года въ Правительственномъ Вѣстникѣ было напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Циркулярное сообщеніе Императорскаго правительства, отъ 12 августа минувшаго года, касательно созванія международной конференціи, въ цѣляхъ изысканія наилучшихъ способовъ къ упроченію всеобщаго мира, было принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ иностранными государствами, изъявившими готовность оказать полное содѣйствіе къ осуществленію великой задачи, намѣченной нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ. Вслѣдствіе сего, по Высочайшему повѣленію Государя Императора, 30-го декабря минувшаго года Министромъ иностранныхъ дѣлъ передано было пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представите-

го правительства Институтомъ международнаго права, т.-е., тѣмъ обществомъ ученыхъ и госу-

лямъ новое сообщеніе, въ коемъ заключается: 1) запросъ о томъ, признаютъ ли иностранныя правительства настоящую политическую минуту своевременной для созванія проектируемой конференціи; 2) краткій перечень специальныхъ вопросовъ и предложеній общаго характера, которые могли бы быть между прочимъ включены въ программу будущихъ занятій конференціи, и 3) соображенія, въ силу коихъ казалось бы неудобнымъ, чтобы мѣстомъ созванія конференціи была одна изъ столицъ великихъ державъ. Изъ нижепечатаемаго циркулярнаго сообщенія 30 декабря 1898 г. явствуешь, что Императорское правительство отнюдь не имѣло намѣренія предложить въ окончательной формѣ программу предстоящихъ работъ конференціи. Полагая, что забота о полномъ и всестороннемъ освѣщеніи поставленной задачи будетъ лежать на всѣхъ участникахъ конференціи, Императорское правительство считало лишь необходимымъ предварительно намѣтить нѣкоторые вопросы, кои слѣдовало бы принять въ соображеніе при установленіи сообща подробной программы конференціи, при чемъ вопросы чисто техническаго характера, очевидно, должны бы были разработаны впоследствии при содѣйствіи специалистовъ, приглашенныхъ къ участию въ трудахъ конференціи. Полная свобода въ изысканіи и обсужденіи средствъ, кои могли бы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ способствовать прекращенію чрезмѣрныхъ вооруженій, облегчая разрѣшеніе этихъ сложныхъ вопросовъ, можетъ только содѣйствовать общему соглашенію державъ, а слѣдовательно и практическому осуществленію великодушныхъ намѣреній Государя Императора“.

Циркулярное сообщеніе министра иностранныхъ дѣлъ пребывающимъ въ С.-Петербурѣ представителямъ иностранныхъ государствъ отъ 30-го декабря 1898 г.

„Въ августѣ минувшаго года Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ обратиться къ правительствамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ С.-Петербурѣ, съ предложеніемъ о

дарственныхъ дѣятелей, которое имѣетъ въ своей средѣ лучшихъ современныхъ писателей цивилизованнаго міра по международному праву. Отзывъ

созваніи конференціи для изысканія тѣхъ средствъ, которыя могли бы наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечить всѣмъ народамъ блага дѣйствительнаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій; въ то время обстоятельства, казалось, вполне благоприятствовали осуществленію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ означенной человѣколюбивой задачи.

Отзывчивое отношеніе почти всѣхъ государствъ къ предложенію Россіи, казалось, оправдывало наши ожиданія. Высоко цѣниа сочувственныя заявленія, въ коихъ почти всѣ иностранныя государства выразили согласіе на таковое предложеніе, Императорское правительство въ то же время съ полнымъ удовольствіемъ приняло полученныя уже имъ и продолжающія поступать засвидѣтельствованія самаго горячаго участія со стороны всѣхъ слоевъ общества въ разныхъ частяхъ свѣта.

Несмотря, однако, на проявившееся стремленіе общественнаго мнѣнія въ пользу всеобщаго умиротворенія, политическое положеніе значительно измѣнилось въ послѣднее время. Многія государства приступили къ новымъ вооруженіямъ, стараясь въ еще большей мѣрѣ развить свои военныя силы. Естественно, что при столь неопредѣленномъ порядкѣ вещей нельзя было не задаться вопросомъ о томъ, считаютъ ли державы настоящую политическую минуту удобною для обсужденія международнымъ путемъ тѣхъ началъ, кои изложены были въ циркулярѣ отъ 12 августа 1898 года.

Не теряя надежды, что существующія въ политическихъ сферахъ разногласія улягутся и уступятъ мѣсто болѣе спокойному настроенію, способному облегчить успѣхъ предложенной конференціи, Императорское правительство, съ своей стороны, полагаетъ, что теперь же представлялось бы возможнымъ приступить къ предварительному обмѣну мыслей между державами, съ цѣлью: а) безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію сухопутныхъ и морскихъ вооруженій, причемъ разрѣшеніе вопроса этого представляется все болѣе и настоятельнымъ, въ виду происшедшаго за послѣднее время усиленія боевыхъ средствъ; б) подготовить почву для обсужденія вопросовъ, касающихся возможнаго предупрежденія вооруженныхъ столкновеній мирными средствами, коими можетъ располагать международная дипломатія.

Въ случаѣ, если бы державы признали настоящую минуту благоприятною для созыва конференціи на указанныхъ основаніяхъ, представлялось бы несомнѣнно полезнымъ установить между пра-

Института международного права гласитъ: „При сравненіи съ правомъ войны, излагаемымъ въ

вительствами соглашеніе относительно программы будущихъ занятій конференціи.

Основаніемъ для международного обсуждения на засѣданіяхъ конференціи могли бы въ общихъ чертахъ послужить слѣдующія положенія:

1) Соглашеніе, опредѣляющее на извѣстный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности; предварительное изученіе средствъ, при помощи коихъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже сокращеніе означенныхъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ.

2) Запрещеніе вводить въ употребленіе въ арміяхъ и во флотѣ какое бы то ни было новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества, а также порохъ, болѣе сильно дѣйствующій принятаго въ настоящее время какъ для ружейныхъ, такъ и для орудійныхъ снарядовъ.

3) Ограниченіе употребленія въ полевой войнѣ разрушительныхъ взрывчатыхъ составовъ, уже существующихъ, а также запрещеніе пользоваться метательными снарядами съ воздушныхъ шаровъ или инымъ подобнымъ способомъ.

4) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки или ныря орудія разрушенія того же свойства; обязательство не строить въ будущемъ военныхъ судовъ съ таковыми.

5) Примѣненіе къ морскимъ войнамъ постановленій Женевской конвенціи 1864 года на основаніи дополнительныхъ къ ней постановленій 1868 года.

6) Признаніе на такихъ же основаніяхъ нейтральности судовъ и шлюпокъ, коимъ будетъ поручаемо спасеніе утопающихъ во время или послѣ морскихъ сраженій.

7) Пересмотръ деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны, выработанной въ 1874 году на конференціи въ Брюсселѣ и до сего времени не ратификованной.

8) Принятіе начала примѣненія добрыхъ услугъ, посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній; соглашеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе однообразной практики въ ихъ употребленіи.

Само собою разумѣется, что всѣ вопросы, касающіеся политическихъ соотношеній государствъ и существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей, какъ и вообще всѣ вопросы, кои не будутъ непосредственно входить въ принятую кабинетами про-

новѣйшихъ сочиненіяхъ, Брюссельскій проектъ, по отношенію къ вопросамъ имъ затронутымъ, и по своему существу, стоитъ *на высотъ современной науки*“.

грамму, будутъ подлежать безусловному исключенію изъ предметовъ обсужденія конференціи.

Обращаясь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ просьбою исходатайствовать по содержанію настоящаго моего сообщенія указанія Вашего правительства, я въ то же время просилъ бы Васъ довести до свѣдѣнія послѣдняго, что для пользы великаго дѣла, которое такъ близко сердцу моего Августѣйшаго Государя, Его Императорское Величество полагалъ бы желательнымъ не избирать мѣстомъ собранія конференціи столицу одной изъ великихъ державъ, гдѣ скрещиваются многосложные политическіе интересы, которые могли бы имѣть вліяніе на ходъ дѣла, въ одинаковой степени важнаго для всѣхъ странъ міра“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что одною изъ весьма важныхъ задачъ конференціи, имѣющей собраться, какъ это извѣстно, въ Гаагѣ, является выработка новыхъ соглашеній относительно средствъ веденія войны (ср. выше относительно Петербургской конференціи 1868 г., стр. 296 и сл.) и пересмотръ Брюссельской деклараціи („Приложеніе“ IV къ настоящему Сборнику). Вопросъ о расширеніи постановленій Женевской конвенціи 1864 г., каковой также предлагается русскимъ правительствомъ на разсмотрѣніе Гаагской конференціи, имѣеть въ развитіи права войны, конечно, весьма большое значеніе

Ред.